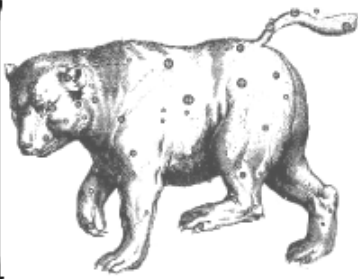

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№2(25) АПРЕЛЬ-МАЙ 2010

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

В номере

ПО ИТОГАМ
ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА МОЛОДЫХ
«ВОЛШЕБНАЯ СТРОКА»
С. 2, 10-13

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ
С. 2-3

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
С. 4

ПРЕМИЯ ИМЕНИ
ВЕНЕДИКТА СТАНЦЕВА С. 16

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ
С. 5-7

НОВЫЕ КНИГИ С. 7-8

КРИТИКА С. 9

ПРОЗА
ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА
АЛЕКСАНДРА МАУРОВА
С. 14-15

С Днём Победы!

Начиная с начала шестидесятых годов в Свердловском отделении Союза писателей СССР появилась одна замечательная традиция — 9 мая каждого года проводить построение и переключку писателей-фронтовиков. Их тогда было в строю немало. Сорок три писателя ушло на фронт, сорок верну-

лось домой... Но шли годы и всё реже становился этот строй. Сегодня в нём не осталось никого... Но мы — друзья, дети и внуки фронтовиков живы. И традиция не будет нарушена: вспоминая представителей легендарного поколения мы продолжаем переключку с ними — воинами великой войны,

совершившими немислимое — перемогшими страшную беду, завоевавшими желанную победу! Эта победа, наверное, главное, что наша страна смогла совершить в XX веке. И сегодня Праздник Победы остаётся главным праздником для всех народов бывшего СССР, праздником, воистину объединяющим людей разных национальностей, возрастов, литературных пристрастий.

Вечная память погибшим за наше Отечество, вечная слава воинам-освободителям! Будем благодарны и признательны всем писателям, кто увековечил для нас подвиг защитников Родины, кто сам на полях сражения отстоял свободу и независимость нашей страны.

На фото — поэт-фронтовик
Венедикт Станцев
(снимок 1945 года)

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Волшебная строка-2010»

Время диктует новые формы работы с юными авторами. Теперь сочинения на Всероссийский конкурс, проходящий восьмой раз поступали в электронном виде, а основным координирующим звеном стал официальный сайт фестиваля <http://www.volstroka.ru/>.

На этот раз на сайте появилась цифра «456». Именно столько участников из 32 областей, 8 национальных республик Российской Федерации и Украины представили на суд жюри около 3 000 работ в стихах и прозе.

2010 год — особый год. Страна отмечает 65-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Поэтому во всех номинациях было решено вручить специальные дипломы за лучшие работы, посвященные 65-летию Победы.

В жюри конкурса — Андрей Расторгуев и Борис Долинго, Александр Папченко и Светлана Лаврова, Евгений Пермяков и автор этих строк. А в номинации «Гениальный читатель» победителей определяли работники Свердловской областной библиотеки для детей и юношества во главе с Мариной Ивашиной.

Как и в прошлые годы, учредителем «Волшебной строки» выступало Министерство культуры и туризма Свердловской области, а организаторами — Свердловская областная библиотека для детей и юношества и Екатеринбургское отделение Союза писателей России. Поддерживает Фестиваль и Екатеринбургская епархия, Молодежный отдел которой вручает специальные дипломы «За раскрытие тем веры, совести, милосердия, художественное осмысление современной жизни в свете христианских ценностей».

Фестиваль в очередной раз состоялся благодаря поддержке его друзей. Это Первая Пчеловодческая компания «Тенториум», екатеринбургское издательство «Lisez» и сеть магазинов «Настоящий центр обуви». Готов предоставить свои страницы материалам фестиваля старейший российский журнал «Уральский следопыт», который в этом году отмечает 75-летие и газета Ассоциации писателей Урала «Большая медведица». И, наконец, уже трудно представить «Волшебную строку» без главного информационного спонсора — «Областной газеты», которая благодаря усилия заместителя главного редактора Ирины Клепиковой все стороны освещает события Фестиваля.

А главное событие — это конкурс литературного творчества, работы победителей и лауреатов которого входят в итоговый сборник. У этих работ обширная биография.

Главный приз фестиваля «За многогранность таланта» был присужден Артему Булгакову из Нижнего Новгорода, который занял первое место в 4-х номинациях. Первые места поделили: в поэзии — Пашина Ольга (г. Пермь) и Колесниченко Елена (п. Полтавка Омской обл., а также уже упомянутый Артем Булгаков); в фантастике — Сазонова Ольга (г. Курск); в прозе — Булгаков Артем (г. Нижний Новгород) и Суханова Валерия (г. Миасс Челябинской обл.). Самыми «гениальными читателями» были названы Иванова Марина (г. Белгород) и Саяпина Александра (г. Артемовский Свердловской обл.). Молодежным отделом Екатеринбургской епархии особо отмечены работы Мироновой Марии (п. Лотошино Московской области), Булгакова Артема (г. Нижний Новгород) и Дрокиной Анастасии (д. Крутое Тавдинского района). Самые сильные стихи о войне у Резвой Светланы (г. Заринск Алтайского края), а военная проза — у Булгакова Артема и Зайцева Олега (п. Сизая Шушенского района).

К сожалению, не обошлось и без огорчений. Члены жюри выявили многочисленные случаи плагиата, причем несколько лауреатов были исключены уже из итогового протокола жюри после тщательной проверки авторства. За последние годы это постыдное явление, когда на конкурс присылаются чужие произведения, как правило, скачанные из Интернета, приобретает прямо-таки массовый характер. Жюри приходится тратить на проверки время и нервы, а главное, подвергать сомнению работы действительно талантливых ребят. И вопрос этот, конечно, не технический (можно использовать специальные программы для проверки всех присланных текстов на наличие в сети), а нравственный, связан с появлением огромного открытого информационного пространства и заслуживает серьезного обсуждения.

В заключение хотелось бы привести слова председателя оргкомитета «Волшебной строки», заслуженного работника культуры РФ Антонины Водатурской: «Волшебная строка» — единственный литературный конкурс такого формата, организованный библиотекой. И это наша позиция. В начале всех начал — Слово. Слово живое, творящее, создающее. И своим человеком в великом Мире

Литературы чувствует себя в первую очередь тот, кто в напряженной душевной работе услышал зов Слова, осознал его возможности. Наш конкурс — отроческий. Тревожный возраст: ребята остро переживают все несправедливости мира, они мечутся в поисках ответа на вопросы: «Кто я? Какой я? Зачем я?». Все это пульсирует, бьется живым нервом в их стихах и прозе. Сборник «Волшебной строки» — своеобразный срез мироощущения подростков, богатейший материал не только для писателей и библиотекарей — для педагогов, психологов, социологов. Здесь выплеснуто все предельно обнаженно, открыто. «Волшебная строка» представляет поколение интеллектуалов, эстетов — настоящих вершителей 21 века!»

Вадим ОСИПОВ

председатель жюри «Волшебной строки».

На фото Веры Лесенко:

торжественная церемония закрытия Фестиваля. Вверху слева направо — председатель жюри Вадим Осипов, священник отец Александр, заместитель министра культуры и туризма Свердловской области В.В.Пластинин, писатели Борис Долинго и Светлана Лаврова, внизу — участники фестиваля и их педагоги

ОМСК

ЛАДОШКАМИ ВЫЧЕРПАТЬ ОКЕАН...

Юбилею выдающегося русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937) был посвящен областной конкурс молодых поэтов «Подымайся, песня, над судьбою». Учредителями выступили: Омская областная организация Союза писателей России, Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского при поддержке Министерства культуры Омской области. Члены жюри: Валентина Ерофеева-Тверская, Татьяна Четверикова, Марина Безденежных, Лариса Малахевич подвели итоги конкурса, приуроченного к столетию поэта. Лауреаты и участники поэтического конкурса получили возможность прочесть свои стихи на юбилейном вечере поэта, который прошел в Литературном музее. Открыл вечер поэтический моноспектакль по мотивам поэмы П.Васильева «Лето» в исполнении заслуженной артистки России Ларисы Гольштейн. Со стихами Павла Васильева выступили юные тещи — ученики 8 класса школы № 114, члены литературного объединения «Забывтые имена» городской библиотеки имени П.Васильева. С приветственным словом к участникам обратился председатель Омского областного правления Союза писателей России и председатель жюри конкурса В. Ерофеева-Тверская. Своими размышлениями о трагической судьбе Павла Васильева поделились гости: Геннадий Андреевич Попов, сопредседатель Союза писателей России (Орёл), лауреат государственной премии в области литературы Валерий Николаевич Мурзаков (Москва), писатель, член высшего Творческого Совета Союза писателей России Ольга Николаевна Григорьева (Москва). Известный омский поэт Владимир Федорович Балачан рассказал о трагической судьбе семьи Васильевых. Отрывок из поэмы, посвященной мученической смерти П.Васильева в застенках ГУЛАГа, прочел поэт Николай Михайлович Трегубов (Омск). Подарком к юбилею П.Васильева стал однотомник избранных произведений поэта «Поднимайся, песня, над судьбой!», выпущенный в свет Рязанским издательством «Пресса».

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

МУРАВЛЕНКО ЯНАО

ТВОРЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Целую серию литературно-музыкальных концертов, лекции о состоянии современного литературного процесса, творческих встреч с читателями, занятий с начинающими литераторами провели члены творческого десанта Ассоциации писателей Урала: Александр Кердан, Яна Чабан и Елизавета Шубина. Самое активное участие во всех мероприятиях приняли также руководители Ямало-Ненецких окружных писательских организаций Василий Быковский (СПР) и Александр Овсянников (СРП) и другие литераторы региона.

Соб.информ.

КИРОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Доброй традицией стали литературно-музыкальные вечера, которые Кировское отделение Союза писателей России проводит в одном из старейших вузов — Вятской государственной сельскохозяйственной академии.

Состоявшийся в апреле вечер был посвящён Году учителя. Перед студентами выступили поэты, чья биография связана с работой в школе. Свои песни исполнял бард, бывший учитель физкультуры Александр Титов. Стихи, вошедшие в только что изданный сборник под названием «Запятая», читал Евгений Измestьев, некогда преподававший здесь русский язык и литературу. Особенно тепло приняли будущие агрономы и ветврачи выступление Маргариты Котомцевой. Член Союза писателей России, автор многих поэтических сборников, лауреат литературной премии Николая Заболоцкого, отличник народного образования СССР сорок один год она отдала работе в сельской школе. М. Котомцева и сейчас преподаёт музыку и рисование в деревне Таранки Богородского района.

Не остались обойденными вниманием литераторов и самые отдалённые уголки области. В Санчурском районе прошли литературные встречи, посвящённые памяти Алексея Рыжова. Уроженец этих мест, он работал на «нелитературной» должности директора леспромхоза. Находил, при этом, время издавать книги прозы и поэзии, активно участвовать в работе правления Кировского отделения Союза писателей России, организовывать Дни литературы в районах Кировской и соседней Нижегородской области, в которых принимали участие знаменитые коллеги по перу Николай Старшинов, Валентин Распутин, Владимир Крупин.

Члены СП России из Кирова Владимир Морозов, Владимир Ситников, Ольга Юрлова и другие участники чтений после выступлений в школах и библиотеках побывали на могиле Алексея Рыжова, в местном краеведческом музее, где размещена экспозиция, посвященная памяти писателя-земляка.

Валерий ПОНОМАРЁВ

БАРНАУЛ

У ПИСАТЕЛЕЙ АЛТАЯ

В Барнауле подготовлена к выпуску книга избранных стихотворений Л. С. Мерзликина. Книга выйдет тиражом 100 экземпляров в твёрдом переплете с предисловием известного культуролога и поэта из Челябинска Нины Ягодинцевой и послесловием Сергея Ключникова. Представление книги читателям будет проводиться в городе Новоалтайске, в библиотеке, носящей имя Мерзликина (возле неё в прошлом году установили памятник поэту). В этом году Леониду Семёновичу исполнилось бы 75 лет. Расходы на издание взяла на себя городская администрация Новоалтайска.

В печать переждана еще одна книга — поэтическая антология «Обратный отсчёт» — сборник стихотворений поэтов Алтайского края, посвященный 65-летию Победы. Этот издательский проект выходит в свет под эгидой краевой администрации.

Важным делом стала рабочая встреча группы писателей по возрождению единой краевой организации Союза писателей России. Напомним, что сегодня на Алтае две организации этого творческого Союза. 8 человек (писатели С. Вторушин, В. Кирилин, А. Родионов и др.) в декабре 2004 года, будучи недовольными результатами выборов, вышли из состава окружной организации. Сегодня наконец-то достигнуто согласие о восстановлении единого писательского сообщества и проведено организационное собрание. Это несомненно позволит писателям Алтая активизировать свою работу по пропаганде художественного слова, созданию атмосферы дружбы и сотрудничества в своих рядах, облегчит взаимодействие с краевой властью.

Валерий ТИХОНОВ

КУРГАН

ПАМЯТЬЮ НАПИСАННЫЕ СТРОКИ

К 65-летию Великой Победы Правительством Курганской области было принято решение выпустить в свет книгу с символическим названием «Памятью написанные строки (зауральские писатели о Великой Отечественной войне)».

На выполнение этой задачи выделено более 300 тысяч рублей. Тираж книги по нашим временам немалый — 3 тысячи экземпляров. В книге представлено сорок четыре автора представлено в книге. Подобных изданий в литературной истории Зауралья еще не было. Инициатором и составителем книги выступил ответственный секретарь Курганской областной писательской организации Владимир Филимонов, в прошлом выпускник военно-политического училища и офицер Российской армии. Не обошлось при подготовке проекта и без поддержки еще одного писателя — генерал-майора запаса и советника Губернатора Курганской области Владимира Усманова.

В преддверие праздника Победы в культурно-выставочном центре Кургана пройдет первое представление книги, а затем презентация пройдет по всем районам области согласно особому графику, утвержденному правительством региона. Таким образом книга «Памятью написанные строки» разойдется по всему Зауралью, пополнив городские и сельские библиотеки области.

Подобная акция — не первая в Зауралье. Несколько лет назад на средства администрации области была издана книга памяти, посвященная вдовам Великой Отечественной войны, вырастившим трех и более детей. Еще одной акцией, проведенной по инициативе курганских писателей стало обустройство колодцев памяти и часовен на месте исчезнувших деревень.

Соб. информ.

ЕКАТЕРИНБУРГ

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Выставку «Вне времени» представил уральцам 14 апреля фотохудожник и поэт Вадим Осипов. В новую экспозицию, открытую в Екатеринбургском Доме писателя, вошли 60 студийных портретов современных поэтов, писателей и деятелей культуры Урала, запечатленных в подчас неожиданных образах.

«Своим творчеством и культурной деятельностью герои выставки, на мой взгляд, вывели себя за пределы неумолимого потока времени, — считает Вадим Осипов. — Плоды их труда — словно устойчивые ориентиры в вечном движении, по которым и будут судить потомки о нашей эпохе. Кроме того, вне времени находится и сам жанр студийного портрета. На фоне сегодняшнего мелькания «фото» на экране компьютера он заставляет остановиться, взглянуть в изображенное, задуматься, попытаться разгадать загадку личности изображенного на нем персонажа современной истории».

В результате Евгений Бунтов запечатлен со старинной казачьей колесной лирой, Галина Метелева — со свежее испеченным караваем, полковник Александр Кердан — в парадном мундире, Арсен Титов — в грузинской войлочной шляпе, а Нина Буйносова — в старинной шали, купленной в приданое ее бабушке за два воза картошки. Персонажами выставки стали также большой пес Андрея Расторгуева и крохотная такса Феликса Вибе. Кто-то захотел, чтобы получился строгий, классический портрет, а когда в кадре оказывались двое, между ними, как на парном портрете Майи Никулиной и Юрия Казарина, сразу возникала неуловимая игра человеческих отношений.

ВСПОМНИЛИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

Объединенный музей писателей Урала и Ассоциация писателей Урала 6 мая сего года провели вечер памяти писателей-фронтовиков. На символической творческой переключке прозвучали в исполнении современных екатеринбургских литераторов А.Расторгуева, А.Титова, С.Надь, Л.Быкова, В.Блинова стихи поэтов-фронтовиков: Михаила Найдича, Венедикта Станцева, Леонида Шкавро, Владислава Занадворова, Александра Маурова, воспоминания о Николае Куштуме, Вадиме Очеретине, Семене Шмерлинге, Юрии Левине и других фронтовиках. В вечере приняли участие старейшая писательница города, труженик тыла Елена Хоринская, родственники писателей-фронтовиков, литературная общественность Екатеринбурга. Песни военных лет исполнит лауреат всероссийских и международных конкурсов и премий певица Яна Чабан.

Александр БОРИСОВ

ЧЕЛЯБИНСК

ПОЭТИЧЕСКИЙ АПРЕЛЬ

Середина апреля в южноуральской столице была насыщена поэзией, как и полагается настоящей весне. У челябинцев гостили члены Союза писателей России: председатель Межвузовского литературного форума имени Н.С. Гумилёва поэт Алексей Витаков и член жюри кандидат филологических наук Татьяна Кондратова. Их визит совпал с подведением итогов регионального литературного конкурса «Стилисты добра», организованного литературной студией ЧГАКИ «Взлётная полоса». В литературном семинаре приняли участие студенты ЧГАКИ, ЮУрГУ (в том числе и Златоустовского филиала), университета физической культуры и музыкального института. Его организовали руководитель «Взлётной полосы» Нина Ягодинцева и педагог ЧГАКИ Константин Рубинский. На семинаре были отмечены наиболее сильные рукописи, и семь молодых челябинских прозаиков и поэтов получили путёвки на московский этап конкурса.

Семинар состоялся благодаря Челябинской государственной академии культуры, где литературе уделяется большое внимание. Помимо активной поддержки литературной студии, организации семинаров и конкурсов, в будущем учебном году здесь откроются курсы «Основы литературного мастерства» для самодельных авторов и руководителей литературных студий. И это не случайно — на кафедре режиссуры массовых праздников академии мастерами-сценаристами работают профессиональные писатели, авторы многих книг и учебников.

Визит московских гостей, имеющих огромный опыт работы с молодыми литераторами непрофильных ВУЗов стал еще одним шагом в деле подготовки будущих режиссеров. Т. Кондратова прочитала в ЧГАКИ уникальную лекцию о Даровом — имени, где прошли детские годы Достоевского, а концерты А. Витакова прошли не только в академии, но и областной юношеской библиотеке, областном отделении Союза писателей и в районной библиотеке Миасса, где встречу с поэтами организовал Марат Шагиев. Следующий этап межрегионального сотрудничества — встреча молодых литераторов на Форуме «Осиянное слово», который состоится в Переделкино.

Нина АЛЕКСАНДРОВА

МОСКВА

В БУЛГАКОВСКОМ ДОМЕ

В рамках литературных сред, проводимых известным критиком, доктором исторических наук Лолой Звонаревой, состоялся творческий вечер Александра Кердана, который представил собравшимся в уютной гостиной Булгаковского культурного центра литераторам, ученым и журналистам из Москвы, Нижнего Новгорода, Сергиева Посада свои поэтические сборники: «Новые стихи», «Прозрачное время». О поэте говорили Владислав Бахревский, Владимир Дагуров и Вячеслав Ремизов и другие известные литераторы и филологи.

Анна АРЕФЬЕВА

О ЧЕЛЯБИНСКЕ, УРАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЯХ И КНИГОЧТЕНИИ...

На вопросы поэта и культуролога Нины Ягодинцевой ответил координатор АСПУр Александр КЕРДАН

— Что связывает тебя с Челябинском, и каким ты видишь его участие в твоей судьбе сегодня, по прошествии лет?

— Челябинск навсегда останется для меня первой столицей, да и как иначе, я же родился в Коркино, по отношению к которому областной центр — столичный город! Может быть, даже шире — центр мироздания. И не только в детском восприятии, но и в более позднем, поэтическом. Есть у меня стихотворение «Челяб»: «Здесь властно Азия в Европу влилась/Сплетеньем языков и рас.../Над темно-синими горами/ И серебристыми борами/Степным светилем вознеслась»...

А еще с Челябинском связаны некоторые жизненные вехи: жизнь на Северо-Западе, преподавание в Челябинском высшем военном инженерном автомобильном училище, получение писательского билета (в СП меня приняли еще в Перми, где тогда служил, а вот членский билет получил здесь), дружба со многими талантливыми людьми столицы Южного Урала. Отсюда я поступил в адъюнктуру Военного университета в Москве... Позднее, были, так сказать, «служебные встречи» с городом. В 2006 году при поддержке Администрации Челябинской области и Губернатора Петра Ивановича Сумина мы провели здесь очередную конференцию Ассоциации писателей Урала и вручение Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка...

— Чем вызвана необходимость создания АСПУр? Какую роль играет эта организация сегодня в литературной жизни страны? Какие возможности у неё есть для организации литературной жизни?

Об этом в последние годы сказано не мало, в том числе в СМИ. Повторюсь: считаю создание Ассоциации, объединившей не только организации разных творческих союзов и разных регионов (от Томска, Алтая до Вятки, и от Ямала, Коми до Оренбуржья) явлением закономерным и необходимым. Это, своего рода наш уральский ответ вызовам времени и запросам эпохи. Это — пример уникальной интеграции (подобного не увидишь ни в Москве, ни Питере, ни в каком другом регионе России, где все еще литературный мир разорван, разобщен, конфронтационен)...

Ассоциация — своего рода некий образец «сшивания», создания единого литературного, и даже шире — культурного пространства, в котором взаимодействуют различные институты общества. Это и опыт стратегического и тактического планирования литературного процесса, и пример социальной поддержки писателей и, конечно же, система книгоиздания, выпуска журналов, альманахов, газет...

АСПУр, следуя привычному для нас — уральцев образу оборонного края, можно назвать своеобразным полигоном для испытания новых форм литературной работы: поэтические марафоны, целостная система литературной учебы, интеллектуальные клубы, «творческие десанты» и т.д. Примеры консолидации, совместной работы заразительны. Тот факт, что Ассоциация за десять лет выросла от 5 до 20 организаций, из собственно уральской стала сибирско-уральской, а затем и приволжско-сибирской-уральской, говорит о многом... Безусловно, наша работа оказывает влияние и на литературную жизнь в стране в целом, на процессы, происходящие в центре: уже нельзя нашим столичным коллегам так безоглядно ссориться из-за переделкинских дач и московской собственности, когда существует некое объединение в провинции, реальными делами демонстрирующее, что можно и должно (даже в условиях рынка) следовать главной традиции русской литературы, которую определяет одно слово — СЛУЖЕНИЕ. Служение отечественной словесности, культуре, идеалам добра и нравственности, и, в конечном счете — своему народу, России.

— Как ты оцениваешь роль писателя в современной жизни? Зачем он? Оказывает ли современная литература на людей хоть какое-то воздействие?

— Затертая формула Евтушенко: «поэт в России больше, чем поэт» и блистательные высказывания наших классиков о Поэте-гражданине, в общем-то, никуда от нас не делись. Россия остается Россией — литературоцентричной страной и писатель у нас — все еще фигура уважаемая, не смотря на свой потертый пиджак и стоптанные башмаки (а, может быть, как раз благодаря им, ибо в России литератор всегда был вместе с народом, «как колокол на башне вечевой»...). Но это говоря высоким стилем...

Если же вспомнить нашу с тобой общую культурологическую, научную приверженность, то русский писатель во все времена остается человеком, формирующим некие смыслы, идеалы, философски оценивающим происходящее, задающим сильным мира сего неудобные вопросы (кто виноват и что делать?), с помощью художественных образов помогающим своим современникам и потомкам разобраться во времени и в себе. Вовсе не обязательно (хотя именно этого и ждут от писателя некоторые деятели, пытающиеся измерить эффективность творческого труда), чтобы слово литератора сразу попало в цель, привело к видимым переменам. Символический капитал (а писатель является творцом именно такого капитала) формируется медленно, зато и служит вечно. Много изменится еще на земле нашего Отечества, а Пушкин, Толстой, Лермонтов и, иже с ними, кто-то из наших современников останутся, кого-то подвигнут на благородные поступки, кого-то удержат от подлости...

Надежда на это и помогает в трудные минуты не опускать руки, писать книги. Ибо все мы, и «классики» и рядовые литераторы верим, что слово наше отзовется...

— Как выглядит, по твоим впечатлениям, литературная панорама Челябинска в целом и конкретно по именам?

— Челябинску есть чем гордиться (говоря «Челябинск», я всегда подразумеваю всю область): и широтой диапазона представленных в нем литературных течений, и звонкими именами. Достаточно вспомнить наших великих: Людмилу Татьяничеву, Бориса Ручьева, Михаила Львова, Вячеслава Богданова... Я всегда к этому классическому ряду причисляю и твоего земляка Константина Нефедьева, на книге которого «Могила Таме-Тунга» вырос... А наши «москвичи» Валентин Сорокин и Константин Скворцов... А никуда не уехавшие и живущие здесь талантливые Николай Година, Рустам Валеев, Кирилл Шишов, Римма Дышаленкова, Александр Павлов, Ким Макаров... С тремя последними, так получилось, я родился в один день — 11 января... С другого фланга — Виталий Кальпиди, с которым нас когда-то в Перми в один день приняли в Союз писателей... Совсем молодой Костя Рубинский (он, наверное, уже забыл, как когда-то, в 94-м, его мама привела в Челябинский Фонд культуры познакомиться со мной)... Несколько одаренных челябинцев рекомендовано к вступлению в Союз писателей на всероссийских совещаниях мо-

лодых, которые были организованы АСПУр: Олег Павлов, Ирина Аргутина, Юрий Васильев... Наверное, я пристрастен, но в литературе трудно остаться бесчувственным. Поэтому, всегда искренне радуюсь успехам моих друзей: мудрым исследованиям Салима Фатыхова, стихам земляков-коркинцев Александра Поповского и Вячеслава Саломатина, твоим Нина сборникам стихов, замечательным книгам, исследующим поэтическое творчество... Словом, Южный Урал продолжает оставаться краем литературным, а Челябинск — столицей этого литературного края. К этому панегирику не получается не добавить несколько слов сожаления: литераторам города никак не удается объединиться, преодолеть надуманные, в большинстве своем, противоречия и личные амбиции. А такое объединение позволило бы легче решить целый спектр проблем, которые у писателей Южного Урала, конечно же, есть: и законодательное (пусть на региональном уровне) обеспечение писательского труда, взаимоотношений с органами власти, и построение большого Дома писателей, который мог бы стать настоящим центром культурной жизни, и многое еще другое.

— Что, на твой взгляд, необходимо сделать, чтобы Россия стала не просто снова читающей страной, но страной, читающей своих современных писателей?

— У Ивана Ильина в книге «Путь к очевидности» есть целый раздел о том, как воспитать патриота России. Одним из первых шагов он называет совместное семейное чтение книг русских классиков. Наверное, ты со мной согласишься, если бы наши мамы в детстве не читали нам Пушкина, Чуковского, Маршака, Некрасова и т.д., вряд ли выросли мы в писателей... Конечно, начинать надо с семьи... Это вовсе непросто в условиях, когда всех нас закручивают в спираль зарабатывания денег, безотрывного глядения в «черную дыру» телевизора... Но начинать надо! Потом — школа. Здесь целый круг вопросов: от школьных программ по литературе (сегодня они представляют собой жуткую эклектику нужного и случайного), до пресловутого ЕГЭ и подготовки самих педагогов... Кто идет в педагогические институты на филфак? Неудачники. Может, понимая необходимость перемен в этой сфере, Президент Д. А. Медведев и назвал год — Годом Учителя! Хотя одними названиями ничего не переменяешь, но это уже знак: «Родина помнит, Родина знает»... Вне всякого сомнения, без государственной поддержки книгоиздания и отечественной культуры, проблему, о которой мы ведем речь, не решить. На недавней встрече Владимира Путина с писателями были подняты вопросы возрождения толстых журналов, принятия Закона о творческих союзах, без которого вряд ли удастся возобновить такие испытанные временем формы пропаганды книги, как бюро пропаганды литературы... Представляется необходимым и создание государственных издательств, которые выпускали бы учебную, публицистическую, патриотическую, детско-юношескую литературу — все эти виды литературы убыточны по определению и в условиях рыночной экономики не могут существовать без поддержки государства! Конечно, надо меняться и нашему писательскому сообществу. Хватит ныть и «ждать милости от природы». Надо идти к читателям, пропагандировать свои книги, книги своих товарищей... Опыт показывает, что сегодня автор, на встречах с читателями в год может вполне реализовать тысячный тираж своей книги... Что касается уральского аспекта проблемы, тут трудно переоценить роль наших вузов. Может быть наши ученым-филологам надо перестать делать акцент на творчестве Пелевина и Сорокина, а пора обратиться к своим землякам... Ей-Богу, названные мной писатели Южного Урала достойны и филологических исследований, и встреч со студентами... Одним словом, только всем миром, как это всегда бывало на Руси, мы и вернем себе звание самой читающей Державы.

«ЖИЗНЬ СОСТОИТ ИЗ ТОГО, НА ЧТО МЫ ЕЕ ТРАТИМ...»

Эссе о прозаике Николае Голдене и поэте Юрии Каплунове, присланные в редакцию Ниной Буйносовой — поэтом и журналистом из г. Каменска-Уральского Свердловской области — открывают новую рубрику «БМ». Ждем от наших читателей рассказы о писателях-современниках.

Война. Базарчик в холодном, голодном уральском городе. Маленькая девочка с завистью глядит на беременную женщину: «Вон тетенька наелась как!». Увидев, как толстая торговка Петровна, чавкая, ест блин, советует бабе: «Тетенька! Так блин не кушают! В нем сначала надо дырку прогрызть, на палец надеть и по краям кусать. Тогда надолго хватит». Пока торговка гоняется за укравшим блин беспризорником, местный дурачок Витя доедает остальную стряпню, и расшвиравшая баба пальцами-крючками рвет его рот, пытаясь выдрать последний блин. Дряхлая старуха безуспешно пытается продать дорогую ей вещь — любимое платье умершей дочери. Все это видит молодой узбек Садык, трудармеец, присланный на алюминиевый завод. В халате, с заплатой на заплате, ходит Садык по базару. Сам в чирьях от голода, он пытается продать продуктовую карточку: копит деньги на калым за далекую невесту — красивую Сихахат..

Простая жизнь тылового уральского города с ее ежедневным будничным подвигом встает перед нами в рассказе «Калым», который написал электролизник УАЗа Николай Голден. Читаешь — и веришь каждому слову. А когда доходишь до последних строк, сдерживать слезы просто невозможно. Нашего земляка, создавшего этот страшный, потрясающий жизненной правдой рассказ, тогда приняли в Союз писателей СССР сразу после появления на свет его первой небольшой книжки «Вертушка», что по тем временам было явлением почти чрезвычайным.

В популярном журнале «Смена», выходящем миллионными тиражами, другой рассказ Николая Голдена «Причастие» был опубликован рядом с произведениями таких известнейших русских и зарубежных писателей, как Виктор Астафьев, Леонид Жуховицкий, Эжен Веверис...

Николай Франкович Голден много лет — бессменный директор музея Уральского алюминиевого завода. По собранным им материалам из истории предприятия он написал книги «Творцы крылатого металла», «Стержни», «Уазовские перекуры». В каждой из них живут, работают, разговаривают, спорят, подшучивают, похихивают друг над другом сегодняшние алюминщики и ветераны — свидетели и участники бессмертного подвига УАЗа в годы Великой Отечественной войны. Из этих разговоров, рассказов, шуточек, веселых и страшных былей, как из кусочков мозаики, складывается яркая картина истории предприятия, история советского тыла. Тогда наш алюминиевый завод стоял один против двадцати заводов Европы, обеспечивая страну «крылатым металлом». Стоял и выстоял.

В предисловии к книге Голдена «Уазовские перекуры» другой наш известный земляк, поэт Николай Мережников пишет: «...Перед нами страницы, в которых истина жизни, ее правда не сконструированы, не смоделированы, а как бы восстановлены, воссозданы и развернуты во всей своей реальности перед нами. И перед этой правдой, перед ее сложностью не спасует ли любое воображение?».

...С Колей Голденем я познакомилась сорок с лишним лет назад, когда пришла в городское литературное объединение со своими первыми стихами. Коля в литобъединении был единственным прозаиком, но стихи понимал и чувствовал лучше многих из нас, так что иной раз приходилось радоваться, если от всего стихотворения, которое ты принес на занятие, хоть одна строка «живой» оставалась после его ироничного, а зачастую и вовсе ядовитого разбора.

Поэзию Коля Голден полюбил еще в войну: «Помню, как бабы переписывали друг у друга «Жди меня, и я вернусь». Писали и плакали. Я тогда понял, какая это великая сила. С тех пор у меня к стихотворным строчкам — особо трепетное отношение». Стихи Виталия Кодолова, товарища по заводу и Литинституту (по силе таланта знатоки сравнивали Кодолова с Николаем Рубцовым) Голден читает, как никто. Каждую

строчку, каждое слово заставляет услышать и прочувствовать. Как-то выступил с этими стихами в передаче по заводскому радио к празднику Победы, так редактора едва не ночью подняли с просьбой переписать текст.

Характером Коля — чисто бойцовая птица: задиристый. Хотя ростом, прямо скажем, не вышел. Не Гулливер. Да и откуда было им, мальчишкам, родившимся перед войной, роста набираться в те крутые годы! Однако плечи Николай Франкович навел-таки широковастьные и кулаки приличные набил. Шагает эдак вразвалочку, со спокойной уверенностью сильного человека. Голова упрямо наклонена, одно плечо вперед выдвинуто. Так против ветра идут. Или — на опасность, когда надо успеть ударить первым. Одеть его попроще: фуфаечку, сапожешки кирзовые, да кепочку на лоб — и в темном переулке вполне испугаться можно: шпана, да и только!

Цену Коля себе знает и сбить ее не позволяет никому. Гордый. Будь человек хоть трижды директором того самого завода, где Голдену зарплату получать, но если этот директор к нему на «ты» обратится, Коля при десятке подчиненных без тени смущения тоже в ответ запросто «тыкнет».

После выхода книги «Творцы крылатого металла» один из больших начальников УАЗа принял, было, намекать Коле, дескать, можно было бы в книжечке не только о простых работягах написать, а и о скромных руководителях словечко молвить, на что тот сказал, как отрезал: «Я — заводской писатель, а не придворный».

Умение постоять за себя у Голдена — из далекого детства. Отец — Франк Голден, американский коммунист-романтик, приехавший с товарищами в 1924 году помогать строить страну Советов, ушел на фронт в 1942 году по партийно-комсомольскому призыву. Ушел — и с концами. (Лишь недавно его внук, тоже Франк, нашел в Интернете точную дату и место гибели деда: 6 августа 1943 года, Орловско-Курская дуга).

Мать будущего писателя — Ольга Николаевна — умерла вскоре после войны, сжимая в руке ладошку четырнадцатилетнего Коли. Несколько лет он жил с тетками по материнской линии. Потом в детдом попал. Но нельзя было сильнее обидеть и разозлить мальчишку, чем сиротой назвать. Дело запросто до драки могло дойти. Дрался сначала, как все, по-уличному, пока бесшабашную отвагу подростка не приметил руководитель секции классической борьбы. С легкой руки тренера Колька стал удачно выступать на спортивных соревнованиях. Однако тренер же и посоветовал вскоре отчаянному, бедовому пареньку уехать подальше из подмосковного городка. Иначе бы криминал затянул. Имелись такие предпосылки.

За Колькиными плечами по тем временам было всего-навсего девять классов, а вознамерился юный романтик, ни много ни мало, в мореходку поступить, для чего мотанул аж на самый Дальний Восток. Сдать экзамены грамотешки не хватило. В итоге: есть нечего, жить негде. Хоть и не был комсомольцем, решил зайти в комитет комсомола города. Посмотрел секретаря на парнишку: «Да ты ел ли сегодня?». И увидев, что тот явно затрудняется с ответом, повел в столовую.

«С тех пор и я помогаю всем. Даже тем, кто мне в кашу плюет», — сказал однажды Коля. Речь у нас шла о том, какие замечательные люди встречались в его жизни и как они помогали ему встать на ноги. Тот же комсомольский секретарь тогда позвонил в пароходство — и Колю взяли учеником в машинное отделение парохода «Леонид Красин». Любителю борьбы «борцовским ковром» здесь служили люки, обтянутые брезентом. Два года Голден работал в торговом флоте помощником машиниста, кочегаром первого и второго класса. Служил, понятно, тоже в Морфлоте. А в армии спортом заниматься сам Бог, то бишь, командиры велели, так что к моменту демобилизации Николай уже был кандидатом в мастера спорта в полупролом весе.

В Каменск-Уральский приехал к армейскому другу. На алюминиевый устроился потому, что в то время на УАЗе только открылся Дворец спорта, где был настоящий борцовский ковер. Тогда Николай Голден

еще и не догадывался, что этот завод и станет его рабочей и творческой судьбой. А случилось это потому, что Коля... влюбился. Я не про жену его Эмму — Эмилию Владимировну — говорю. Тут все понятно: пришел — увидел — победил — и на всю жизнь вместе. Я — про завод, в который Голден, как в женщину, влюбился. В людей влюбился, которые там работали. Раз и навсегда.

А поскольку мужик он — точь-в-точь по Некрасову: «Уж ежели втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не выбьешь», то и постановил для себя Николай рассказать миру об этих людях. Постановил — и стал писать о них. Любовно, с грубоватым рабочим юморком. Сам тогдашний редактор журнала «Урал» Вадим Очеретин предупредил всех корректоров и цензоров, чтобы не осмеливались вычеркивать или заменять другим по тем временам немислимое в печати слово «жопа». Не мог же в самом деле узбек Садык сказать: «У него штаны нету, весь пола голый!»

Когда Голден вернулся из Москвы после окончания Литинститута, был момент, что намылился он снова в электролизники. Так бригадиры на его заявления наперебой писали: «Только — ко мне! Только — в мою бригаду!». Голден — он ведь не только наблюдал, как работают алюминщики, а сам тоже качивал на совесть. Вместе со всеми после очередной долбежки электролизера плюхался рядом на скамью «изжеванный, грязный, пот по спине». И это ему, электролизнику Николаю Голдену, говорил старый рабочий: «Что ты раскис? Ты ведь на машине работаешь! А мы в войну вручную насмерть пластались...»

Не стоять насмерть, не биться насмерть — работать насмерть! — такое тогда изобрели для себя постановление каменские алюминщики.

«На завод я, конечно, попал случайно, — говорит Голден. — Но если у меня есть хоть какая-то возможность, хоть какая-то способность донести до других, прокричать, прошептать об этих людях, так, чтобы задело, я ДОЛЖЕН это сделать! То, что наши люди в войну сотворили для Победы здесь, в глубоком тылу, это даже не просто патриотизм. Это где-то на биологическом уровне. Так самка любого зверя жертвует собой, чтобы спасти свое потомство. И эти люди жертвовали собой, спасая нас».

«Прокричать и прошептать» — не случайные для Голдена слова. Это очень эмоциональный человек. Надо видеть и надо слышать, как он ведет экскурсию по своему музею! До самых высоких тонов поднимается, и до тихого шепота сходит. Эдвард Радзинский, да и только! Про себя я улыбаюсь тихонько над давнишним товарищем: как глухарь на току! Спроси сейчас о чем-нибудь — не услышит, потому что весь он в данный момент — там, с этими, дорогами для него людьми, о которых рассказывает. А если услышит-таки вопрос и зацепится за какое-то имя, — глядишь, уже и отвлекся, и уже «растекается мыслью по древу», начиная новый рассказ о другом человеке.

«Сегодня нам посчастливилось прослушать рассказ Н.Ф. Голдена об истории нашего родного УАЗа. Гордимся его тружениками. Огромное спасибо. 7 «а» класс школы №29». «Слов нет, чтобы выразить свое восхищение. Учащиеся группы МГ-12 КУАТА». «В восторге от Вас и Ваших рассказов. Лена». «Большое спасибо. Мы загорелись желанием работать именно на УАЗе. 6-я группа СПТУ №39». «Дорогой музей! Спасибо, что сохранил для нас все это и показал нам. Нам так не доставало знаний, которые мы получили здесь. Мы бы хотели, чтобы в нашем городе было больше таких музеев... Девочки 9 класса школы №35». «Сегодня История оставила след в наших душах и сердцах. Глиноземщики».

«Жизнь состоит из того, на что мы ее тратим», — говорит мой товарищ по писательскому цеху. Годы, что остались позади широких Голденовских плеч, потрачены на создание этого музея; а еще — первого в нашем городе спортивно-трудового лагеря для трудных подростков; а еще — спортивного клуба «Граница» для тех же трудных. И это все — не считая написанных книг.

«Я спать ложусь, и книжку его целую, под подушку кладу. В ней — всё правда. В ней — все те, кого помню и люблю», — так сказал о книге Голдена «Уазовские перекуры» один из бывших алюминщиков, ныне пенсионер Владимир Александрович Колтышев. Нужна ли еще какая-то оценка сделанного писателем?!

СУРОВЫЙ ЦЕЗАРЬ ИЗ... КАМЕНСКА

16 социотипов выделила наука соционика для определения наших характеров. Чтобы удобней различать их, каждому даны имена: Жуков, Королев, Джек Лондон, Марк Твен... Юрий Михайлович Каплунов по социотипу — Цезарь, то есть — личность крупного масштаба. Лидер. Из тех, кто четко видит цель и запрограммирован на ее достижение. Такие люди — прекрасные ораторы. А поскольку при этом они опираются не только на ум и опыт, но и на эмоции, ощущения, то умеют зажечь других, увлечь за собой.

ДЛЯ СПРАВКИ

Именно Каплунов в свое время «продавил» в Ассоциации писателей Урала и администрации города амбициозную идею провести в Каменске-Уральском Всеуральское совещание молодых писателей. А проведение у нас через несколько лет и Всероссийского совещания стало уже оценкой того, что увидели здесь москвичи и уральцы в первый раз. И издание сначала поэтического «семикишия» под общей суперобложкой, да еще в самые тяжелые времена начала перестройки, а затем — и десятки отдельных сборников каменских поэтов, тоже случилось с его подачи.

Словом, как «генератор идей», Цезарь — социотип ценнейший. К сожалению, идет он к намеченной цели напролом, нередко и не замечая, что кого-то по дороге толкнул, обидел. Так что поспорить с ним — пара пустяков.

Автор же этих строк, скажем так, — вовсе не из числа послушного Цезарю войска. К тому же и поводов для конфликтов у нас хватает. То вместе готовимся к совещанию молодых писателей, то к очередному Рождественскому поэтическому конкурсу, то обсуждаем творчество того или иного претендента на победу...

Каплунов априори определит для себя цель — и нередко начинает «давить авторитетом» на членов жюри. А я такого «давежа» не приемлю по характеру. При этом по Цезарской привычке любит Юрий Михайлович свалить разную подготовительную «мелочищу» на плечи других. А кому это понравится? Глядишь — и сшиблись опять лоб в лоб, и потом долго, бочком, бочком движемся навстречу друг другу по дорожке примирения: вместе-то — тесно, а врозь — скучно. Да и что с Каплунова взять?! Одно слово — Цезарь.

Общаться с ним вообще непросто. В том числе, — и тем, кто ходит на его занятия в литературное объединение. Спору нет. Учитель будущих литераторов должен, прежде всего, сам иметь уже осуществленный литературный талант (читай — осуществленный в газетных, журнальных, книжных публикациях). Тогда он вправе судить о качестве произведений своих учеников.

ДЛЯ СПРАВКИ

Кроме публикаций в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Юность», «Молодая гвардия», альманахах, коллективных сборниках и антологиях, вышедших в Москве и на Урале, на книжной полке Каплунова — три собственных поэтических сборника: «Золотое новогодье», «Послевоенная музыка» и «Летосчисление»...

За спиной Каплунова — замечательная школа прежнего руководителя нашего литобъединения, известного поэта Николая Яковлевича Мережникова, затем — Литературный институт, и, наконец, — многочисленные публикации собственных, признанных и отмеченных читателями и критиками стихов. Так что моральное право — быть учителем новых поколений каменских поэтов — у него, несомненно, есть.

Одна беда: в отличие от мягкого, деликатного Николая Яковлевича, — жестковат Каплунов. По собственному опыту знаю: ох, как не любит он, когда с ним спорят! А как не спорить, если для поэта, особенно начинающего, каждая строчка дорога?! Случается, и жалуются на него иные члены литобъединения. Начнешь выговаривать ему, не соглашается: «Что ты из меня монстра делаешь? Совсем я не навязываю им свое мнение! Даю и самим возможность подумать и другим высказаться...»

Впрочем, по поводу жесткости требований к качеству стиха у Каплунова — свои резоны: «Некоторым кажется, что творческая планка у нас поставлена слишком высоко. Да, перемахнуть через нее могут не все и не сразу. Но таких, для кого мои требования приемлемы, — все больше. Не случайно в нашем, не самом великом, городе — уже 12 членов Союза писателей. То есть официально признано, что эти 12 человек работают на уровне профессиональной российской литературы. А ведь девять из них выросли в Каменске уже после Мережникова...»

Ну что тут скажешь! Ведь кем-то же придумана была крылатая фразочка: «Сам себя не похвалишь — неделю как оплеванный ходишь». Есть, есть у Юрия Михайловича такое в характере: любит он лишний раз подчеркнуть свои заслуги и достижения. А, с другой стороны, почему и не подчеркнуть, если они действительно есть?! Ведь именно благодаря Каплуновской идее Рождественских конкурсов мы узнали поэтические имена Татьяны Федоровой, Наталии Санниковой, Ивана Паздникова, Ксении и Андрея Шалобаевых и другие. А такие поэты, как Владислав Устюгов, обязаны Каплунову и своим становлением.

КОГДА ЗАДАЧА — «ВЫХОД ГОДНОГО»

«Как руководитель литобъединения, я своей задачей ставлю так называемый «выход годного». В литературе это означает выход книги. В нашем случае он предполагает тщательный отбор и редактирование стихов, которые в нее когда-нибудь войдут. Пусть они — пока еще на стадии беспомощной рукописи. Но редакторское дело — жестокое. Без профессиональной, то есть — суровой редактур (для меня это — одно и то же) появление качественной книги начинающего автора невозможно. Сейчас, конечно, такие времена, когда книжки не только без редакторской, но даже и без корректорской правки выходят. Автор гордится: «У меня сборник вышел!» А гордиться-то — чем? Немыслимое количество грубейших орфографических ошибок, не говоря уже о лексических, синтаксических и прочих. При этом общий уровень стихов или прозы — уровень самого плохого самиздата.

Вся и разница, что нашлись деньги в типографии напечатать.

Пытаешься подсказать — заявляют о нарушении «авторского права». Очень трудно преодолевать это слепое сопротивление. Приходится объяснять, что нужно воспитывать в себе «внутреннего редактора», учиться различать, когда действительно стоит отстаивать собственное видение стиха, а когда сказать «спасибо» товарищам по поэтическому цеху за удачное слово, строчку, за умное сокращение.

В свое время нам страшно повезло, что литобъединением руководил Николай Яковлевич Мережников. Он ввел принцип литературной учебы. При обсуждении были исключены оценки типа «а мне нравится», позиция: «Я сегодня тебя похвалю, а завтра — ты меня». И в то же время не было такого, что «затоптать». Шла придирчивая, но доброжелательная работа. Мы вместе искали и предлагали свои варианты: как «довернуть» сюжет обсуждаемого стихотворения, доработать строфику. (После оказалось, что в главной литературной школе страны — Литературном институте — работа над стихами построена по этому же принципу!).

Помню, как Мережников, готовя стихотворение «Шуга» для журнала «Урал», изменил мою строчку на свою: «Настынет в заберегах лед». Я и слова-то такого — «забереги» — не знал. Можно было на дыбы подняться: «Не мое!». Но я-то понимал уже, что это — рука мастера! Причем — настроенного со мной на одну «частоту», так что стихотворение от такой правки только выиграло. Много лет назад еще совсем юный Владислав Устюгов, читая мое новое стихотворение, посоветовал заменить строчку «выцвели глаза у старика» на более емкую: «Вот и посошок у старика». Я прислушался. А сколько лет мы с тобой, Буйносова, на одной «волне» работаем?! То я тебе интересный «ходок» или строчку подсказываю, то ты — мне. До сих пор благодарен тебе за стихотворение о деревенских церквях. Если помнишь, по твоей подсказке я сумел как бы с высоты и со стороны, более масштабно взглянуть на эти церквушки:

*Над веками прозрений и косности
Столько выбрали высоты,
Что видать — хоть из ближнего космоса,
Хоть с бегущей полями версты».*

...И ОН ПРОСНУЛСЯ ЗНАМЕНИТЫМ

Суровый редакторский нрав Каплунова становится более понятным, когда узнаешь, что еще в юности этот Цезарь поставил перед собой цель: ни много, ни мало — прибавить имя никому не известного города Каменск-Уральский к поэтическому полю России, сделать это имя узнаваемым.

«Был у нас дома ламповый приемник. На шкале написано: «Москва... Париж... Лондон». (В войну эти приемники заставили сдать, а после войны вернули). И вот каждое утро оттуда бодрым голосом объявляют: «Говорит Москва». Я маму спрашиваю: «А почему только Москва говорит? Почему наш Каменск не говорит?». Так мне было обидно за свой город. И потом, когда мои стихи стали публиковать в «Литературной газете», в «Литературной России», в журнале «Юность», я всегда требовал, чтобы рядом с моим именем обязательно указывали: «Город Каменск-Уральский».

А теперь представьте картинку. Торжественный голос Левитана каждый

час сообщает по радио о том, что в Космосе — советский космический корабль с третьим космонавтом на борту. И каждый раз после этого на весь Союз читают стихотворение молодого каменского поэта Юрия Каплунова, которое так и называется — «Третий». Оно было написано и отправлено в «Комсомольскую правду», когда о третьем полете человека в Космос все только мечтали. И вот — свершилось! А журналисты газеты и радио — в тесной связке работают, и готовое стихотворение у кого-то под рукой оказалось...

Словом, в то утро Каплунов проснулся знаменитым.

ЕХАЛ ГОГОЛЬ ИЗ... БЛОКАДЫ

Элемент удачи — одна из важных составляющих на пути к известности многих творческих людей. Каплунов — не исключение. В алюминевом техникуме ему повезло на преподавателя литературы, сумевшего оценить молодое дарование; в армии — на офицеров, не только разглядевших поэтический талант солдата, но и благосклонно разрешивших ему выступать на местном телевидении (причем — в гражданской одежде). Позже Юрий Михайлович скажет об армейском отрезке своей жизни так: «Многие мои сверстники считали эти три года потерянными. А для меня это была интересная и полезная творческая командировка. Ее результат — стихи об армии».

Но самой первой, самой главной своей удачей, определившей будущие успехи, поэт считает влияние семьи, в которой вырос:

«В 1943 году строительный трест отца из Ленинграда эвакуировали на Урал. (Отец был начальником эшелона). Так семья попала в Каменск, где я и родился за несколько месяцев до конца войны. Мама и старший брат жили мыслью, что разрешат вернуться. Однако партийного отца не отпускали. А в 1947 году выяснилось, что наша уцелевшая при бомбежках квартира уже занята.

Мы остались в Каменске. Но некий особенный «привкус» «северной столицы» чувствовался всегда. Домашние постоянно вспоминали про тамошние музеи и театры, рассказывали, какие спектакли смотрели, кто тогда играл. (Кстати, когда я однажды приехал к сестре отца в Ленинград, она первым делом позаботилась о пополнении моего интеллектуального багажа — мне были приготовлены билеты во все театры и музеи города).

Семья у нас была читающая. Мама читала даже за обедом. Чтение было любимым занятием и у старшего брата. В эвакуацию смогли взять с собой только то, что уместилось в саночках. И родители в числе самых необходимых вещей привезли... книги Гоголя в старинном оформлении и толстенную подшивку «Огонька» за 1936–1939 годы... Получив свою первую зарплату, брат сказал: «Мама, давай купим Пушкина». Это было чудесное, еще довоенное издание, с шикарными иллюстрациями, переложенными папиросной бумагой. С него семья начала восстанавливать домашнюю библиотеку, потерянную в войну. В такой обстановке я не мог не пристраститься к чтению.

Как многие в те годы, я стал «копить» открытки — цветы, портреты актеров... Брат посоветовал: «Не разбрасывайся. Выбери какое-то одно направление — например, открытки с репродукциями картин известных художников. И инте-

ресно, и полезно». И я так этим увлекся, столько собрал репродукций, что потом преподаватель искусствоведения в Литературном институте удивлялся: парень из провинциального города разбирается в живописи лучше, чем студенты из самой столицы. Я с первого взгляда определяю: «Репин... Крамской... Куинджи... Левитан... Прянишников... Корзухин».

Когда я перешел в седьмой класс, преподаватель географии предложил нам совершить поход по Уралу. Нужны невеликие, но все же — деньги. А их надо изъять из семейного бюджета. Слышу, как отец с матерью разговаривают на кухне: «Давай уж отправим его. Парень стихи пишет. Может, ему пригодится».

Первые стихи я начал придумывать, когда еще не умел писать. Записывала их мама. Позже, увидев, насколько серьезно это мое увлечение, отец подарил мне на день рождения роскошнейшую по тем временам вещь — авторучку.

...Домашнее воспитание дополнили занятия в литературном объединении, куда второклассника Юру Каплунова привел за руку отец. Когда Николай Яковлевич Мережников посоветовал Юре писать стихи о природе, он не мог и представить себе, в какую страсть превратятся вскоре первые попытки воспитанника исполнить его совет. Походы за березовым соком, за грибами, ночевки у костра в палатках и под открытым небом. На Урале, на Кавказе, на Памире. Природа — благодатнейшая тема, где поэт Каплунов в полной мере отыгрался за обидное отсутствие таланта к рисованию. Сочными мазками слов изображает он теперь все то, что не в состоянии нарисовать кистью. Чего стоит строчка: «...Лишь светит над холодной пашней желток соломенной копны!»

ГОРЬКАЯ И ГРОЗНАЯ МУЗА

И все-таки, на мой взгляд, самое мощное, самое лучшее из всего, написанного Каплуновым, — о войне. Война, война... Живет в нас и мучает нас эта горькая и грозная муза нашего поколения.

«Все про Ленинградскую блокаду знал я — до слезинки — наизусть», — годы спустя, напишет поэт Каплунов, никогда не видевший военного Ленинграда. Война для него — это пятилетний братишка, вывезенный из осажденного города дальней родственницей в эшелоне со школьниками. В том самом эшелоне, который разбомбили по дороге. Это — подвиг матери, которая не поверила, что сын погиб, и пешком, через линию фронта прошла весь путь по следу того эшелона. Прошла, нашла сынишку уже в немецком тылу и на руках принесла обратно в блокадный Ленинград. Это — умерший от голода дед, и суп из столярного клея, который ела тогда семья (дед был столяром), и слабеющий голосок брата, который уговаривал отца: «Давай, я сегодня съем твой хлеб, а завтра ты — мой», и «поленица» белых замерзших трупов напротив окон дома, возле школы-госпиталя...

На мой взгляд, именно война и есть то главное, что с детства горело в душе поэта, свербело, царапалось в его мозговых извилинах, пока не вылилось в мощные строки:

*Горели земли, и чернела высь,
И от разрывов закипали реки,
И свет, казалось, кончился навеки,
И реки слез и крови пролились.*

*И жизнь над смертью потеряла власть,
И связь времен земных оборвалась.*

*Но — совершилось; и в конце концов
Сочли убитых... Не сочли тех многих
Безумных и безруких, и безногих,
И всех детей, не помнящих отцов.*

*Под страшный блеск салюта, вдвойной вой
Тогда отсчет годам был начат снова —
На этот раз не с Рождества Христова,
А от войны последней мировой.*

ТАК увидеть, ТАК оценить и ТАК масштабно показать огромный, трагический срез мировой истории, как это сделал Каплунов в стихотворении «Летосчисление», удалось далеко не многим поэтам нашего поколения. Чтобы написать ТАК, мало быть профессионалом. Надо еще всем сердцем ощутить, понять, прочувствовать искалеченные войной судьбы.

...В самый Новый год, на станции, где «поезда минуют Зауралье, вывозя в сражение Сибирь», мечутся ночью вдоль воинского эшелона герои «Камышловской баллады» — маленький Миша Быков и солдатка Евдокия, отчаянно пытаются «докричаться» до солдата Быкова Петра. И вот «дозвались», «докричались». И «было им отпущено войною — много, может, целых полчаса», но...

*...Пробил час отваги и печали
И под женский невозможный вой
Эшелон качнулся и отчалил
Прямо в пекло — в год сорок второй.*

А вот стихотворение о блокадном одеяле. Под ним, этим вещественным свидетельством войны, засыпал будущий поэт «по глумим уральским вечерам, глядя треугольный — от осколка, крепкой штопкой заживленный шрам!» «Послевоенная музыка!» В те, как сказал поэт, «неслыханно песенные» годы звучала она по вагонам, где безногие калеки «на водку сшибали деньги».

*Нет, ради Христа не просили
Прошедшие смертный огонь,
Лишь руки их в горестной силе
Охрипшую мяли гармонию!*

*Им кланялись, в шапки кидали
И комканный рубль, и пятак,
И чисто звенели медали
Заплаканной музыке в такт.*

*И всласть об утесовский голос
Стальная тупилась игла.
Плясали. Пластинка кололась,
Под пляску скользнув со стола...*

Такими помнятся поэту тогдашние лихие послевоенные всенародные пирушки. И в памяти и в стихах осталось и то, как «бабы в свой песенный миг на самой отчаянной ноте по-вдовьи срывались на крик!»

Минимум слов, максимум ярких, точных, запоминающихся штрихов и деталей. Работа мастера.

...Отец Юрия Михайловича — Михаил Маркович Каплунов — строил наш город в войну и после войны. Дело его рук — и ДК УАЗа, и нынешний драмтеатр, и Байновский мост, и вся улица Аллюминиевая. Член Союза писателей России Ю.М. Каплунов гордится своим городом. И не просто гордится. В далекой юности он решил сделать Каменск знаменитым и все эти годы настырно, упрямо добивался этого. И если сегодня на страницах серьезного литературного журнала говорят о «Каменской поэтической аномалии», если в Союзе писателей Каменск-Уральский называют одним из литературных центров России, значит можно говорить о том, что нашему Цезарю это удалось.

НИНА БУЙНОСОВА

Ветка Вечности

Приобщившись во студенчестве к молодежному фольклорному движению, вместе со своими друзьями я был уверен, что доживающие свой век поскудеющим деревням бабушки — последние, кто хранит русские народные песни и обычаи. И без малого тридцать лет ничто этой уверенности особо не нарушало — пока в феврале 2010 года в Каменске-Уральском не вышла книга Нины Буйносовой «Студёный день».

Проза жизни

Чуть было не написал — «в её родном Каменске-Уральском». Но горожанкой Нина Буйносова стала, когда оказалась в школе-интернате, а потом выучилась в техническом училище на настройщицу радиоаппаратуры. А ещё немного погодя в 1969 году ушла в журналистику.

Именно журналистские, очерковые нотки подчас проступают в открывающих книгу семейных хрониках «Шабавеско поле». Однако уже здесь во всей своей полноте предстаёт и прекрасная русская родовая речь подкаменских деревень, в одной из которых, под незатейливым названием Брод, автор появилась на свет за полтора месяца до Победы. Речь настолько коренная, что устояла даже перед долгой газетчиной.

Самые светлые картины этой хроники связаны с жизнью у прародителей — бабушки Марии и дедушки Семёна в деревне Черемисской, в доме, где «по широкому половицам, дожелта надранным речным песочком, плотно-плотно настелены яркие, будто только что из укладки, половики...». Всего-то вещной памяти и осталось теперь у автора от той жизни, что красная, в клеточку домотканая скатёрка, на которую она девочкой то и дело умудрялась «обронить сбежавшую с горячей шаньги крупную жёлтую каплю» домашней сметаны, за что немедленно получала от деду по лбу деревянной ложкой.

Сравнительным достатком дед и бабушка обязаны были исключительно собственному труду, что упасло их — и то едва-едва — от раскулачивания. А от финской и Отечественной, как, похоже, и от гражданской, дед уберёгся лишь тем, что оставил своё здоровье в окопах и германском плену ещё той, первой мировой. Саму же Нину с её двумя сёстрами и братом работавшая школьной сторожихой мать подымила одна — муж пропал на фронте без вести. Да ещё и ту же самую бабушку в конце концов содержать пришлось, ибо пенсий колхозникам тогда не платили. И, умирая, она всего-то и просила, что отвезти напоследок мягкой шанежки, которую матери пришлось выпросить у буфетчицы в заводской столовой, ибо хлеб в 1963 году по всей стране выдавали в обрез и по спискам...

Переписывать-пересказывать эту часть хроник нужды нет — как и другую, что рассказывает о более глубоких корнях и далёких ветках рода донских казаков, что были сосланы на берега Исети после Пугачёвского бунта. И о том, как всё дальше отходили эти ветки от земли, от родового поля. Читатель, за последние двадцать лет мало-мальски познакомившийся с отечественной историей XX века, и заочно может представить, через что прошел этот род. Но представить — это прежде всего умом, а чтобы сердцем прочувствовать — для этого нужен «Студёный день».

Красно пёрышко

Продолжением хроник и в то же время абсолютно самостоятельным творением предстают «Сказки-побаски бабушки Марии». Они-то непривычно для меня и продляют ту самую прерванную вроде бы фольклорную традицию от доколхозных 1920-х до первых послевоенных лет, когда в уральских деревнях «долгими зимними вечерами единственным доступным развлечением... всё еще оставались устные сказки». И то ли напрасно-таки иронизируют люди над мимолётной девичьей памятью, то ли по яркости своей эти сказки так в неё впечатались, а светятся они совсем как восиясно красно пёрышко, что помогало одной из героинь рукодельничать и счастье заслуженное отыскать. Тут тебе и смешливая сказка про окуту с того света, и грустная про дудочку, и бывальщина про колдунью, и побаски мудрые про глупых родителей, про суседушка-буканушка — домового то бишь, да «сродственника» его по прозванию Коси-Нога.

Примеров, когда писательницы примеряют на себя платок Арины Родионовны или бабы-сказочницы из кинофильмов Александра Роу, немало. Нина Буйносова этого ряжения как раз избегает, оставаясь в роли той самой «не по возрасту маленькой, худющей до черноты под глазами» вечно мёрзнувшей девочки, которая залезала на печь и, прижимаясь прямо к калёным кирпичам, просила у бабушки сказку. Да и сама бабушка явно не только на слух свои побаски перенимала, а и книжной премудрости обучена была, так что девочка эта и Пушкина, и Кольцова услышала впервые из бабушкиных уст. И что уста не делали сносок на первоисточники, вряд ли можно считать особым грехом.

Впрочем, явные цитаты из классиков, как и новые воспоминания о детстве, автор оставляет для своего собственного рассказа, которым оплетает записанные по памяти бабушкины тексты. И делает это настолько искусно, таким свежим и сочным русским языком, что, на мой взгляд, невольно и сама становится сказительницей — не лубочной, а самой естественной.

«В одной деревне жили-были мужик да баба. И было у них три дочери. Старши-то ленивиньки были — ни грядки выполоть, ни избы подмести. Все им лень да неохота. А младшинька дочушка — Овдотьюшка — така хлопотунья, така старательница...» Это — зачин у бабушки.

«Зимы послевоенного детства моего были буранные. В самые морозы снег от окошек не отгребали — для тепла, и избёнки... порой заносило до самых бровей, так что внутри и средь бела дня стоял голубоватый полумрак...» Это — внучкин запев. И, вспоминая прежнюю свою уверенность в обрыве традиции, начинаешь спрашивать сам себя: а, может быть, эта роль вечна, это место настолько свято, что не бывает пустым никогда?

То ли современность сказительницы, то ли её собственный замысел — а, может, и всё это вместе — подчас наводят на самые неожиданные ассоциации. Вспоминает автор о картофельных печёнках — круглых ломтиках картошки, подсолонных и поджаренных на печке-буржуйке, а до тебя вдруг доходит: так вон когда и как появились на Урале первые чипсы! Или говорит о старой привычке казаков-донцов звать старшее поколение не «баба» и «дед», а «мама

Ветка Вечности

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 7

стара» и «тятя старый» — и ты вдруг вспоминаешь подобное из английско-го или немецкого. И мир разворачивается не только вглубь, но и ширишь, являя тебе не только связь поколений, но и пресловутую нынче глобальность. Хотя кто сказал, что люди с развитым воображением не ощущали себя частью большого мира и до нашей поры?

Голубень-трава

«Сказки-побаски», найдись для них догадливый издатель, в руках обладающих тем же качеством продавцов, по моему, вполне могут стать родительским бестселлером. А вот ещё одна ипостась семейного сказа-эпоса — поэма «Трава живая», которую Нина Буйносова посвятила памяти тех же бабушки Марии, матери Марины, её подруги тётки Маши и других односельчанок, — ждёт более усидчивого читателя, нежели подростки, для коих родители обычно книги и покупают. Хотя, уверен, умный и чуткий к родному поэтическому слову отрок тоже не откажет себе в удовольствии не только прикоснуться к искреннему и чистому рассказу о перипетиях жизни русской женщины в середине уже прошлого века, но и проследить за искусством рассказчицы.

А рассказчица совсем по Чехову представляет читателю в начале одёжку, по которой узнаёт на осеннем базаре давнюю материну товарку тётку Машу: «Лето связано в пучки — / по двадцатки за штуку. / Натрудившую руку / старой травницы беру. / Чёрный плюшевый жакет, / Как у мамы, сохранился...» Не ружьё, конечно, да тоже деталь. Когда февральский буран сорвал с фермы крышу, семеро подруг-колхозниц спасли-выходили новорожденных телят, и такие модные в ту пору жакеты справили героиням расчувствовавшийся председатель. Да так и остались, похоже, эти обнови единственной за всю их жизнь официальной наградой.

И уже другое кольцо, что начинается со сцены банного мытья: «...Ртом и телом — полной мерой — / Горьковатый плотный зной! / И обкачена по первой, / И обмыта — по второй... / И скамейка необъятна. / Щиплет щёлоком глаза. / И в ромашковой, и в мятной — / Косы моют в трёх тазах...» А завершается — через годы: «В водополе ли водицей / Жизнь прохлынула-сплыла? / ...Скрипну старой половицей. / Нынче мама — легче птицы. / «Мам, я воду налила...» / ...Без ромашки и без мяты / Мою маму — мой остатный / Долг давнишний отдаю...» И теперь уже дочь возвращает матери её давний заговор: «С гуся-лебедя — вода!»...

А проходят через эти и другие кольца, свивая их в неразрывную цепь — травы. Ими тех же телят выпоили и сами от множества хвороб спасались. Множества — да не всех: деда Семёна от последствий германской газовой атаки не вылечили, и старшую дочь тётки Маши от дифтерита, и одного из двух её же сыновей от лейкоза, наведённого радиоактивным следом аварии на ядерном комбинате «Маяк». И внучёк этот след достал на излёте: «Вот какое дело — нечем / Ладить парню ребяtiny. / Самоглавнейшая снасть / Потеряла силу-власть...» Оценить таким образом ситуацию, сдоблив её интонацией солёного анекдота, могут и вечно хорошающиеся мужики. А женщина мыслит

иначе: «...От негаданной напасти / Роду целому пропасть...»

И всё-таки тому же взрыву «мирного» атома Нина Буйносова неожиданно находит беззлобное, совсем домашнее сравнение: «...Так ухватит баба чайник, / Руку жжёт через платок, / Ну, и вымахнет, не чая, / На себя же кипятком...» И пускай «тяга кровная к земле», дотеле не переводившаяся в роду, «стала жухнуть, словно травы», одноимённая трём близким автору женщинам голубень-трава Марийка, даже согнутая и измочаленная, продолжает жить. И «нет народу переводу, / Коли травушка жива...»

На водяных весах

Вода у Нины Буйносовой тоже живая — так она и назвала свою вторую поэму. И, словно женщина, эта околуподная вода первобытного моря, из которого волею Творца вздыбилась суша, порождает жизнь. И в обильных водах тяжелеющего женского лона эта жизнь бьётся ключиком. И лебедь над водой, и осётр и кит по воде стремятся на Север к продолжению своего рода. Вода — крёстная мать Христа — расстилает перед ним морскую волну и становится Его кровью, и возносит Его на облаке, а в Крещение омывает тела тех, кто решается шагнуть в крестовую прорубь.

И всё так, пока за дело не берётся человек. Тогда пиши пропало: усыхает Арал, вольные кобылицы рек стреноживаются путами плотин и утрачивают жизнь в отстойниках, а радиоактивное озеро Карачай пробивается подземными ходами в родники и колодцы. И автор, ощущая себя частицей мировой воды, «каплей крови из вены земной», вглядывается через окно в лунную ночь — и Луна представляется ей огромной лупой, в которую Всевышний исследует её...

Какая из чаш — с публицистикой или поэзией — здесь перевешивает, каждый из читателей волен решать сам. Возможно, планетный масштаб местами стоило уравнивать глубиной микрокосмоса. Вода, женщина, животные, моря-озёра и сам Творец, становясь глобальными персонажами и ведя разговор друг с другом, побуждают желать чего-то малого, личного, сквозь которое, как в игольное ушко или маленький диоптр, стали бы различимее и отдалённые очертания. Но как бы то ни было, а в этой поэме автор, сохраняя гибкий народный лад, ярко демонстрирует свою причастность современности. Хотя, конечно, тот же Арал как символ человеческого надругательства над природой особенно было принято вспоминать на рубеже 1980-90-х.

Стихи нелёгкой мудрости

В связи с отсутствием датировки догадываться о времени написания приходится в отношении не только поэм, но и отдельных стихов, составивших четвертый раздел книги. Вот, похоже, из того периода, когда автор ощущала свою чуть ли не животную связь с природой и, описав полнящийся звуками нового приплода заснеженный лес, вдруг практически теми же красками рисовала человеческое логово: «Двуногая самка уткнётся / Лбом в странной нетающий лёд, / И голый зверёныш проснётся, / К соскам нагрубевшим прильнёт. / И сон будет странно тревожен / У матки и сына её. / Пока их самец толстокожий / Готовит к охоте ружьё...»

А вот неожиданный отсыл к современным технологиям: «Не на скрижалях — на дисках озёр / Пишет заветы нам Космос осенний...»

Вот откровенно-сокровенное краткое обращение к любимому: «Прильнуть к тебе. / Приткнуться у колен — / Вот всё, что у судьбы прошу и неба. / Чтоб вздрогнул ты — / И будто бы и не был / До этого мгновенья на земле...» А рядом — квинтэссенция бабьего одиночества: «Как во поле — четыре воли... / А четвертая волюшка — горше всех, / Так ли горше — не вынести: / На два голоса песню одной вести...» И следом — жажда снова почувствовать движение жизни: «...Жить никак — это хуже всего... / Стрельте кто-нибудь с места мой маятник, / Отпустите качать его!»

А вот — опять-таки неожиданный высокий взор на последнее предзвездье: «...Там, на разлюбленной Земле, / Поля думы вздымают в Космос...» И переживание ещё одной женской судьбы: «...Голубиною судьбиной / Не случилось ворковать, / Не с желанным — с любимым / Получилось вековать... / Лишь когда рукой коснулась, / Чтоб глаза закрыть навек, / Не сама — рука очнулась: / «Ох, родимый человек...» И предчувствие, пришедшее на старой дороге: «...Ни ограды кругом, ни колышка, / Здесь полынной душой из горлышка / Деревенечка истечёт...» И осознание, как по-разному поют одну и ту же известную песню о милом в защитной гимнастёрке вдовы погибших солдат и дочери тех, кто вернулся с войны живым. И ощущение: «...Гудят во мне те вдовьи судьбы, / Как в гулкой раковине — море...»

А вот — о матери, что с самого раннего утра торопилась «наткать к зиме половиков», а потом расстелила своим детям недоспанные зори. И о другой женщине, что «творила лёгкий хлеб на жарких кир-

личах», а в последний час «Просила всё воды из дальнего ключа / И мягкого, сожми — и выпрямится, хлеба...»

Но все эти избранные и разные стихи подспудно объединяет мотив мудрости — той самой, которая «...тяжела / Сознанием невечности земного...» За прозрачными крыльями стрекозы, в которую превратилась просто, как бельё, сменившая тело личинка, автору видятся «тысячелетья, прожитые разом».

...И что за стржемнем лет,
за быстринной? —
Сказала б стрекоза, да не умеет.
На стебле голубые крылья греет
И ждёт меня у входа в мир иной...

И собственная душа представляет поэту пыльцой, как та, что жадно ждёт цветы «И слепо устья раскрывая, / Друг друга шарят по лицу, / Чтоб продолжалась плоть живая...» И когда убогий бродяжка, присев на берегу, срежет дудочку — душа поэта пробежит по его сердцу «стайкою нот босоногих».

С такой же дудочкой где-то бродит по свету Лель — всё такой же молодой и дразнящий спелым яблоком новых девушек. А у поэта теперь из её собственного сада, прополотого и политого к ночи, тех же «...яблок тёплые планеты / К ногам Создателя летят». Однако она не спешит срывать с ветки последний плод, вместе с которым «...сорвётся с ветки время, / И враз настанут холода». И «чтобы душа не отлетела», держит ладонь у груди, глядя вперед, где «...Только небо, колея, да только Вечность, / Веткой голую задевшая меня...».

Андрей Расторгуев,
поэт, член СП России.
Буйносова Н.И. Студёный день: стихи и проза. Екатеринбург: Издательский дом «МАРАФОН», 2010.

Про белого бычка

Известный уральский юморист Анатолий Коломейский, постоянный автор «Литературной газеты», сделал поэзии весёлый подарок — в пародиях, стилизациях и подражаниях сфокусировал узнаваемые особенности творчества более ста поэтов «медного периода бронзового века» (по выражению самого автора). Реконструкция поэтической жизни общества — от конца шестидесятых до начала девяностых годов, — достаточно масштабна.

Собственно, высказывания поэтов на одну и ту же тему — ход, в среде пародистов распространённый. Поэтому мы обратим внимание на другие, не менее важные моменты. Первый из них — своевременность выхода книги. Поясним мысль: сейчас литературное пространство разделено, поделено и сама литература — на «формат», тиражируемый и находящийся на виду, и всё остальное — активную, напряжённую, но разрозненную литературную жизнь. В этих условиях формирование яркого индивидуального стиля весьма проблематично. А предмет предлагаемых пародий — именно стиль, мастерски сгущаемый Коломейским.

Второй важный момент — действительно антологический подход к работе: у книги предисловие, пролог, пояснение по главной теме — что же такое белый бычок и сказочка про него, а в конце книги — краткие биографии авторов, удостоившихся пародии. Пародист берёт «в работу» наиболее узнаваемые тексты каждого автора, эта подкачка усиливает комический эффект. Вот «Простые имена» Давида Самойлова:

Бычков простые имена...
Шартрез, Витраж, Стробоцифилий...
Не надо спрашивать фамилий —
Вся суть из имени видна...

Так что же такое — эта сказка про белого бычка? В предисловии автор пишет: «...насаждаемые тогда властью идеи построения коммунистического общества ТОЖЕ были сказкой про белого бычка. Но объектом пародирования является поэзия, а не идеология». В итоге, на наш взгляд, получилось событие весьма актуальное: это вечная сказка о том, что у поэта должен быть свой стиль, свой язык, своя музыка речи — и в «медном периоде бронзового века» он есть. Наверное, есть и в нашем (не знаю, как назвать) веке, или — обязательно должен быть!

НИНА ЯГОДИНЦЕВА
Анатолий Коломейский. Сказка про белого бычка. Антология русской поэзии бронзового века в пародии. Челябинск, 2009. 200 с.

ЛИСТАЯ ВЕТЕР

О поэзии Елены Безруковой

В прошлом номере «БМ» мы представляли читателям подборку новых стихотворений поэта из Барнаула Елены Евгениевны Безруковой, которая вызвала положительные отклики.

Сегодня мы публикуем статью Нины Ягодинцевой, которая выступила редактором новой книги Е. Безруковой в серии «Библиотека российской поэзии».

Драгоценный поэтический дар, несомненно более значимый, чем любые эксперименты с обновлением формы и содержания — стремление к предельной искренности и ясности, крайней степени достоверности ощущения жизни. Ведь именно из этого ощущения рождаются и органичность стихотворных форм, и уникальность индивидуального, личного поэтического мира.

«Книга ветра» Елены Безруковой от стихотворения к стихотворению раскрывает нам удивительную вселенную, мир нашей молодой современницы, глубоко причастной к духовной традиции родной культуры — и уже обретшей свой неповторимый голос, гармоничный поэтический универсум.

Поэзия сама по себе — стихийна, и потому напрямую родственна Природе. Книга Безруковой насквозь пронизана природными стихиями — это воды, ветра, это отражающие их мелодии и чувства... Стихию невозможно подчинить, её возможно только ощутить и осмыслить — и тогда она сама становится частью высшего замысла, его музыкой, доступной и внятной поэту.

*Ты есть во всём живом,
ты — сама вода,
Всё породня тёмной стихией этой.
Все тебя видят. Никто тебя не видал.
Все только верят,
что ты существуешь где-то.*

Доверяясь «Книге ветра» с первых строк, довольно быстро понимаешь: тебе предстоит прочувствовать, прожить то трагическое и светлое состояние молодости, когда так пронзительно ощущается инстинкт истины, когда сквозь реальность обыденного мира всё время отчётливо проступает реальность духа. Трудно — почти невозможно! — определить, что же из них всё-таки реальнее, и приходится делить цельный и целостный мир на этот, зримый и ощутимый, и тот, не менее властно убедительный:

*Посмотри на восток:
к нам оттуда идут облака.
Есть ли вести из дома? —
Я жду, приподнявшись с постели.*

АВТОРА!

Нина Александровна Ягодинцева, член Союза писателей России, кандидат культурологии. Преподаёт в Челябинской государственной академии культуры и искусства. Автор нескольких книг стихов и научных монографий, посвященных безопасности поэтического творчества, постоянный автор «Большой медведицы», лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, лауреат Всероссийской литературной премии им. П.П. Бажова.

*Мы не знаем, откуда мы родом,
но издадека,
Потому что привыкнуть
к земле до сих пор не успели...*

Потом, позже, происходит понимание и соединение этих миров в сердце, в душе. Человек был и остаётся средоточием, точкой схождения всех смыслов бытия, но это ещё предстоит поэту — и сколько силы нужно на то, чтобы накрепко соединить в себе духовное, идеальное, и материальную реальность!

В мире стихий, перед временем, перед Природой, судьбой, любовью и смертью человек открыт настежь, он ничем не защищён и так остро чувствует свою слабость, свою мгновенность! — но вот именно здесь, в этом понимании чудесным образом и рождается его сила. Поэтическое достоинство книги в том, что Елена Безрукова в каждом своём стихотворении стремится к пределу — то есть к обретению силы:

*Хватая сердцем жизнь,
как небо ртом,
Когда дыханье —
сплошь из передышек,
Друзья мои, мы плачем об одном,
Когда о разном говорим и пишем...*

Авторское поэтическое доверие (тоже — предельное!) обязывает и читателя. «Книгу ветра» нельзя перелистывать отстранённо, с холодным сердцем. Её придётся именно прожить. Непривычный, но такой узнаваемый свет озаряет строки изнутри, постоянно подсвечивает реальность — а иногда и просто стирает её, и тогда свет бьёт в глаза напрямую. Это ощущение высоты на её максимальную глубину (высоту) насыщает смыслом обыденные штрихи и детали:

*Я различаю трещины в коре
Земли что держит и меня и маму
И смотрит мёртвый голубь во дворе
Упрямо*

*В меня а там в солёной глубине
Едва качнётся стрелкою минутной
Резиночка от варежки ко мне
Мой грязно-белый
стропик парашютный.*

В творчестве Елены Безруковой нет так называемой поэтической «гладкости» — поэтесса владеет, может быть, не столько (пока) внешней формой стиха, сколько (уже!) его силовым полем, удивительно точным движением чувств и мыслей — к невыразимому.

Естественно и прекрасно состояние молодости, когда под напором поэтической силы ломаются синтаксические конструкции, не хватает слов — и приходится додумывать что-то буквально «на ходу», в потоке речи, но зато — как свежо и достоверно, до болевого, ощущения жизни,

*Где спросонья воздуха пригубишь,
Словно из твоих прохладных рук.
Где ещё не знаешь, что погубишь,
Веточкой очерчивая круг...*

Высокое поэтическое косноязычие молодости — добрый знак! Знак силы, обещание будущего. В молодости мы ещё, к счастью, не знаем, что есть не-

что невыразимое — мы хотим выразить всё, и — о чудо! — за строками, над ними — это всё-таки удаётся.

*Какая глубина
горячий лоб изранит,
Когда откроешь дверь
и по свету пойдёшь,
По свету, по земле,
в рассвет
сырой и ранний,
Где лик умоет дождь,
переходящий в дрожь...*

Где-то предельно усложняя, где-то впадая в «неслыханную простоту», — все средства хороши, чтобы приблизиться к истине! — поэт ведёт нас таинственными путями стихий. И сам он, весь он — стихия, потому что это в нём отражены река, ливень, снег, деревья, птицы, поля — и из глубины его души проступают таинственная лестница в высоту, сад с загадочным домом, неуютная колыбель неведомого горя...

Мелодически стихи очень разнообразна. Елена Безрукова свободно чувствует и глубокое дыхание долгой строки, и спринтерский ритм строки короткой. Чувство органично «ложится» на музыкальную канву, она, как волна, несёт мысль от строфы к строфе. Порой возникает и ощущение музыкальной инерции — так плывец, устав бороться с волнами, отдаётся их воле и отдыхает, набирая силу. Но когда жёсткая «клетка» чётко организованного ритма становится поэтессе тесной — тогда рождается другая, свободная речь:

*А кроме любви ничего и нет.
Проснусь оттого,
что ребёнок во сне повернулся
И пяточки мне положил на живот.
Живёт,
Как будто скользит по воде —
я хочу дотянуться,
А всё не могу, безумия недостаёт.*

*Шумит
Вселенная всеми своими ветвями,
И падают яблоки ночью с ветвей.
Не сплю,
А слушаю воздух, летящий над нами,
И спящие реки подземных вен.*

Но и в свободной речи нет уже ставшего грустно привычным для нас, читателей, авторского произвола, есть только веление чувства, путь мысли — и это тоже добрый знак!

Стихи «Книги ветра» пронзительно современны — об этом уже было сказано. Их современность родом из традиции, где человек — зеркало мира, тот, кому дано видеть, ощущать, со-трудничать, угадывая небесные токи, пропускающая через свои нервы силовые линии бытия. Сознание всё время скользит по тонкой грани между внешним и внутренним, и стихии внешнего мира, пересекая невидимую границу, становятся любовью, тоской, гордостью, смирением или смутой.

*Этот ветер — то ли след помела,
То ли бабочка крылом повела?
То ли в памяти
сквозь темень взошло
То, что ветра поднимает крыло?*

Книга насквозь полифонична: мелодии и темы, как воздушные потоки или прозрачные водяные струи, легко пере-

плетаются, распадаются на нити, откликаются друг другу через расставания. Постоянным остаётся ощущение нити — связи с миром — нерва, по которому идёт таинственный ток. Ниточка ли это от воздушного шара, лёгкой детской радости? Нить ли это Ариадны в каменном лабиринте обыденной жизни? Нить дороги, разрезающей просторы родного поэтессе Алтая? Или собственная жилка, пульсирующая в зажатом кулачке лирической героини?

*Я вода — я хлыну,
я темна — я вижу
Света золотого неземной огонь.
Если больно, значит,
я сумею выжить.
Значит, мне ты ниточку
вложил в ладонь...*

Избранное молодой поэтессы выходит в свет в непростые времена. Мучительно и страшно сознавать, что человек заблудился в этом мире, отрёкся от Природы — в том числе и от Природы в себе самом, и сегодня, пожалуй, только поэзия во всю свою силу стремится говорить с нами о том, на чём держится жизнь, куда она стремится и чего ждёт от нас. Поэты приходят в мир и слово их обретает силу именно тогда, когда их посредничество насущно необходимо.

Молодое поколение поэтов сегодня подвергается неслыханному информационному давлению и неприкрытым манипуляциям. Состояться, обрести свой голос, открыть свой мир трудно, кажется, как никогда. Но испытание силы — не есть ли её обретение?

*Когда б нам думать в эту высь,
Как тяжки дни и щетны цели, —
Мы никогда б не долетели.
Мы от земли б не поднялись...*

И вот они, строки уже не на юношеском пороге жизни, а в её стремнинах на её неумолимых ветрах, слова на долгое, непростое, но до краёв наполненное поэзией со-бытие с целым миром:

*И чтобы ты мне запомнилась
Сквозь жаркого солнца холодность,
Приди и пролейся, молодость,
Беспечностью дождевой,
Дневную тоску взрывающей,
Движеньем — к душе зывающим,
Стремленьем — пока жива ещё,
Остаться ещё живой.*

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Стихи и проза юных литераторов — участников «Волшебной строки — 2010»

Артем Булгаков ПО ТУ СТОРОНУ ВОЙНЫ

Отрывки из документально-художественной повести

Посвящается моему прадедушке Аркадию Самодурову, прошедшему все ужасы фашистских концлагерей смерти. Выжившему, ни смотря не на что! И ставшего, одним из миллионов героев, даже по ту сторону войны... С огромной благодарностью за подвиг.

Жарко. Июнь. Над деревней плывёт пряный и терпкий аромат луговых трав, свежескошенного сена. Деревушка, маленькая и уютная, затерялась в глухих лесах Смоленщины. До ближайшей усадьбы и расположенной в ней поселковой конторы и сельсовета километров десять. Название у деревушки сочное, звучное — Петровка. Именно сюда, в Петровка, каждый год из Москвы привозили на лето Зиночку. Бабушка и дедушка дожидаться не могли долгожданную гостью. С приездом весёлой, шаловливой и удивительно любопытной Зиночки старый дом оживал и молодел! Дня не проходило, чтобы женщины вечером у колодца не выговаривали строгой Степаниде о Зиночкиных проделках. То из петуха перьев надёргает, то драку с мальчишками в старом враге затеет, а то, притаившись в кустах у реки, до смерти перепугает спешащих прополоскать бельё селянок. «И в кого она у тебя такая!?» — сетовали соседки, вполне искренне жалея Степаниду. Степанида хмурилась, вздыхала, и лишь недоумённо разводила руками. Дома, хлопоча по хозяйству, она постоянно бросала взгляд на большую фотографию. На ней был изображён высокий светловолосый мужчина в форме капитана красной армии и молодая женщина с длинной косой и огромными чёрными глазами. Мужчина с портрета приходился Степаниде старшим сыном, женщина — невесткой. Несколько лет назад Иван неожиданно овдовел и всё заботы о маленькой дочке

целиком легли на его плечи. Годы шли, дочка выросла, как-то незаметно пошла в первый класс, затем во второй, третий... Теперь Зиночке шёл 13 год. Весёлая и ласковая девочка, несмотря на шаловливый, взбалмошный характер, горячо любила отца. Иван же просто обожал Зиночку и с большим трудом расставался с любимицей даже на лето, когда отправлял погостить дочку в родные его сердцу Петровка. ...

Утро обещало превратиться в солнечный погожий день. Осторожно, стараясь не попасться на глаза Степаниде, Зиночка еле слышно прокралась через кухню к себе в маленькую боковушку. Большие часы суетливо и громко отсчитывали непоседливые минутки. Зиночка бросила взгляд на циферблат, часы показывали 6 часов утра. Ложиться спать уже было поздно, день в деревне ведь всегда начинается рано. Поэтому Зиночка, наскоро переодевшись в домашнее платьице, решает наведаться в огород, чтобы надёргать к завтраку свежей зелени. Спустившись с крыльца, Зиночка поспешила на задний двор. Там была неприемная калиточка, старательно выкрашенная в зелёный цвет, которая выходила напрямик к огородам. Не раз Зиночка с её помощью ловко избегала бабушкиного наказания. Выйдя в огород, Зина, к своему удивлению, не увидела бабушку. Это было странно, обычно в это время бабушка была занята либо прополкой, либо поливом. Старательно обходя крепкие, пушистые кусты картофеля, она пробралась через картофельные заросли к нежно зелёным стрелкам лука. Огороды, располагаясь длинными ровными рядами, внезапно резко словно сбегали вниз, к небольшой, мелкой речушке. Летом там местные ребята весело барахтаются и строят самодельные запруды. Зимой, когда лёд надёжно сковывает речушку, старательно расчищают снег и устраивают каток.

Зиночка, надёргав пахучий длиннolistый букетик, вернулась домой. Ловко и умело затопила печку. Начистила картошку и поставила вариться. Окна были распахнуты настезь, и Зиночка прекрасно слышала доносящиеся с улицы звуки. Внезапно что-то пугающее ворвалось в привычную музыку деревенских звуков. Сначала Зина услышала взволнованные голоса, топот

множества ног, женский плач. Девочка, забыв о домашних хлопотах, торопливо выскочила на крыльцо и, ещё ничего не понимая, увлекаемая общим людским потоком, побежала к клубу. У клуба толпилось множество людей, они озабоченно переговаривались, многие женщины плакали. Тут дверь клуба широко распахнулась, и на крыльце показался председатель местного колхоза. В руках он, крепко прижимая к груди, держал большую чёрную тарелку — радио. Повесив её на специально вбитый для этих целей гвоздь, он поднял вверх руку и помахал ею, призывая собравшихся к тишине. Толпа настороженно затихла. Председатель повернул ручку, прибавляя громкость, из тарелки раздалось сначала лёгкое потрескивание, а затем чёткий, строгий голос диктора. Зиночка впервые слышала, слова, которые она просто отказывалась понимать. В сознание врывались страшные фразы: ... Сегодня в 4 часа утра, вероломно, без объявления войны... фашистские орды незаконно перешли границу Советского Союза... - Бомбили города... Наше дело правое, мы победим... Победа будет за нами... Вон стоит молодой учитель, задумчиво свесив голову и скрестив на груди руки, люди буквально все обратились в слух, жадно ловя каждое слово!

Зиночка наконец увидела бабушку, она стояла среди прочих женщин, и прижимала к глазам кончик платка... Зиночка прижалась к бабушке, та незряче посмотрела на неё и судорожно, отчаянно прижала к себе. Зиночка почувствовала, как дрожит её рука. Радио замолчало, люди тоже стояли молча. Зиночка вглядывалась в сумрачные, в один миг ставшими строгими лица Петровцев. Одно она понимала — что-то неотвратимое, мрачное, не знавшее ни жалости, ни сострадания, вторглось в её привычную маленькую жизнь, срывая с неё все краски радости. Потом председатель что-то долго говорил, эмоционально размахивая при этом руками. В этот день почти все мужчины Петровок добровольно стали записываться в народное ополчение. В каждой избе всю ночь горел свет. Напрасно Степанида бегала в центральную усадьбу, в надежде связаться с сыном. Связи с Москвой не было! Не зная, что и думать, Степанида, в отчаянии написала Ивану письмо, хотя, что-то внутри зловеще шептало ей, что это письмо Иван вряд ли получит...

Так началась война.... В деревне постепенно всё меньше и меньше становилось жителей. Почти каждый день подводы увозили на городской призывной пункт всё новых и новых добровольцев. В Петровках не осталось ни одной избы, в которой бы не проводили на фронт отца, мужа, сына или брата. А в некоторых семьях ушли не только мужчины, но и девушки. Ребяточки в деревне странным образом притихли, не путаясь под ногами, и как-то быстро незаметно повзрослели. Да оно и немудрено! С уходом мужчин в деревне сразу стало меньше работников. Несмотря на то, что женщины незамедлительно вста-

ли на замену ушедшим, рабочих рук остро не хватало. Женька и другие мальчишки, которым уже было 14–17 лет, отчаянно обивали порог военкомата с требованием немедленного командирования в действующую армию на фронт. Однако на фронт по причине малолетства не взяли, да ещё пригрозили примерно наказать за самодетельность, за отвлечения от работы. Ребятам ничего не оставалось, как вернуться назад в Петровка. Правда, сидеть без дела некто не давал, ведь важна была помощь каждого.

Зиночка отчаянно ждала отца. Не может быть, чтобы он не дал о себе никакой весточки! Ежедневно Зиночка передавала с каждым, кто уезжал в район, просьбу связаться с отцом, однако это по-прежнему было сложно. Местные ребята и Зиночка теперь много времени проводили на прополке. Лето выдалось на редкость засушливым, поэтому забот у пионерского звена прибавилось! Приходилось по несколько часов в день носить с реки тяжёлые вёдра, чтобы не дать погибнуть хрупким зелёным саженцам помидор и огурцов. Зиночка старалась ничем не уступать деревенским, с измальства привыкшим к нелёгкому крестьянскому труду. Вечером руки и плечи нестерпимо болели и ныли. На ладошках Зины рядком проступили жёсткие мозоли. Однако Зиночка старалась не падать духом. Она знала, что каждой капелью пота тоже приближает столь желанную победу! От папы по-прежнему не было никаких известий. Новости с фронта не утешали. Зиночка с тревогой наблюдала, как темнели лица взрослых, как с ещё большим рвением склонялись они за работой. Зиночка всё чаще стала слышать странный гул, доносившийся откуда то из-за горизонта. Это было похоже на далёкие раскаты грома, однако на небе не было ни одной тучи, а с неба не упало ни капли. Люди с опаской поглядывали на небо. Поговаривали, что это фронт. Где-то там, за лесом, шли бои и гибли люди. Зиночка старалась не думать о том, что фронт может ворваться сюда, в родные Петровка.

Однажды вдалеке, на просёлочной дороге, показалась длинная вереница военных грузовиков. К некоторым из них были прикреплены пушки. В кузове каждой машины, тесно прижавшись друг к другу, сидели пропылённые солдаты, в рваных, мокрых от пота гимнастёрках. Некоторые из них были ранены, это легко было понятно по когда то белым, а ныне грязно-серым бинтам, с проступившими кое-где, бурными каплями крови. Въехав в Петровка, грузовики, остановившись, солдаты выпрыгивали на землю, и тут же попадали под немедленную опеку местных жителей. Раненых аккуратно, на руках, снимали с машин и немедленно размещали по избам. В Зиночкином доме тоже нашли приют и заботу двое молодых солдат. Один из раненых был тяжёлым. Глаза его были плотно прикрыты, из груди с хрипом вырывалось тяжёлое

АВТОРА!

Артем Булгаков, 12 лет, живет в Нижнем Новгороде. Обладатель Гран-при Всероссийского детского литературного конкурса «Волшебная строка — 2010».

дыхание, иногда он еле слышно стонал. Второй был в сознании, однако его правая рука была обмотана бинтами, да и голову тоже плотно обхватывала белая повязка. Степанида немедленно взялась за дело. Перво-наперво она, согрев в чугушке горячую воду, старательно обмыла раненого. Через некоторое время во дворе у Степаниды горел костёр, над которым немедленно водрузили большой десятиведерный котёл. Раненых было много, горячая вода требовалась чуть ли не каждому. Зиночка торопливо, стараясь не обжечься, разливала кипяток по ведрам.

Она в очередной раз наклонилась, переливая воду в подставленный вновь чей-то котелок, как почувствовала чью-то ладонь на плече. Девочка обернулась. Перед ней стоял не слишком молодой уже мужчина, с сильно посеребрёнными ранней сединой висками.

— Воды вам? Я сейчас.

— Нет-нет, погоди, — мягко перебил её военный.

— Я ищу Зину Полякову. Ты её не видишь случайно? — Мужчина внимательно заглянул Зине в глаза. Зина привыкла уже почти ничему не удивляться, однако невольно вздрогнула.

— Я Зина Полякова...

— Ну, наконец-то, — радостно улыбнулся военный, — я привёз тебе письмо от твоего папы.

— От папы?! — Зиночка вдруг заплакала, ей отчего-то стало так вдруг страшно, что у неё подкосились ноги, и если бы её не подхватили, непременно бы упала.

— Ну что ты, маленькая. Жив твой папка, не плачь, сядь-ка, почитай, что он тебе пишет.

Чуть покачиваясь от только что пережитого страха, Зиночка устало опустилась на низенькую скамеечку. Дрожащими, похолодевшими пальчиками, она торопливо надорвала чуть помятый серый конверт из плотной бумаги. Оттуда выпал лист бумаги, исписанный крупным чётким почерком. Эти строки несомненно были написаны рукой самого дорогого, самого любимого Зиночкой человека на земле, её отцом. Зиночка прижала к пылающей щеке этот, такой дорогой её сердцу листочек. Ей показалось, что папа нежно обнял её голову. Ощущение было настолько реальным, что на секунду ей почудилось, его присутствие. Зиночка резко мотнула головкой, словно прогоняя от себя видение. Непослушные, дрожащие и плывущие перед глазами строки, с большим трудом, наконец, сложились в слова, и Зиночка могла прочитать.

Зиночка, доченька!

Прости родная, что я не смог приехать попрощаться. Ты ведь у меня совсем большая, и, конечно же, понимаешь, что началась война. Я, как командир Красной Армии, не могу не исполнить приказа. Так что я должен был срочно уехать на фронт. Зиночка, что бы ни случилось, помни ты — дочка командира. Обещай, что ты будешь сильной! Поручаю тебе позаботиться о бабушке и дедушке. Хорошо учишься в школе, пока я не вернусь, ты будешь жить в Петровках. Передай бабушке, что я вас всех очень сильно люблю. Скоро мы разобьём фашистов и опять будем все вместе. Не плачь, Зиночка, помни, что я просил тебя!

*Твой отец, Иван Иванович Поляков.
Июль 1941 года.*

Дочитав письмо, Зиночка ещё несколько минут неподвижно сидела, за-

думчиво смотря куда-то вверх чужих голов. Затем встала и быстро побежала к своему дому. Торопливо миновав двор, Зиночка буквально ворвалась в горницу. Бабушка что-то стирала в большом деревянном корыте. Её мокрое, раскрасневшееся лицо стало испуганным.

— Зиночка, что случилось? — Зиночка неожиданно рассмеялась.

— Бабушка, папа жив, он нам письмо написал, вот смотри, — и Зина протянула ей конверт.

Степанида изменилась в лице: «Дай! Дай!» Она торопливо вытирала красные от горячей воды руки, на ходу стряхивая густые мыльные хлопья. Прочитав письмо, облегчённо вздохнула. Степанида очень переживала столь длительное молчание сына, однако тщательно скрывала свою тревогу от впечатлительной и крайне ранимой внучки. Конечно же, она была растерянна: что делать с внучкой? как жить дальше? жив ли Ваня? Теперь Степаниде стало несоизмеримо легче! Самое главное, Ванечка был жив, с остальным-то она теперь справится! «Где ты это взяла?» — спросила она Зину. Та пояснила про незнакомого военного. «Пойдём, покажешь мне его» — решительно сказала справившаяся с волнением Степанида.

Немного поискав глазами среди множества гимнастёрок, Зиночка уверенно показала бабушке на среброглавого вестника.

— Простите, — осторожно коснувшись рукой, позвала Степанида.

— Это вы от Ванечки Полякова весточку нам привезли? Я мать его Степанида.

— Здравствуйте мамаша, рад, что смог хоть чем-то вас успокоить, — улыбнулся военный. Улыбался он, кстати, как-то очень открыто, хорошо.

— Я Ветров, командир полка. Я встретил несколько дней назад вашего сына. Он очень обрадовался, когда узнал, что моё подразделение направляется непосредственно в Петровки. К сожалению, сам он направлялся совершенно на другой участок фронта. Он сказал, что уроженец, этих мест и попросил меня передать письмо его дочери Зинаиде. Вот пожалуй и всё, что знаю об Иване.

— Спасибо Вам, — Зиночка привстала на носочки, и едва дотягиваясь до давно небритой щеки, неожиданно для всех крепко поцеловала такого незнакомо, но в одно мгновение ставшего таким близким Ветрова.

Дым от сгоревших изб медленно поднимался над притихшими, словно оцепеневшими Петровками.

Вдруг эту зловещую тишину разорвал резкий треск моторов. По улице не спеша ехали немецкие солдаты. Фашисты ехали нагло, не прячась. На шеях висели блестящие чёрные автоматы. На дорогу, захлёбываясь гневным лаем, выскочил крупный лохматый пёс. Сидящей в коляске фашист что-то сказал водителю. Мотоцикл притормозил, сидящей в коляске лениво, словно нехотя, снял с толстой шеи автомат, и, почти не целясь, выпустил короткую автоматную очередь. Пёс тут же упал, даже не успев взвизгнуть. Мотоцикл равнодушно проехал мимо.

Следом за мотоциклистами показались солдаты. Они торопливо, прогулочным шагом, шли по улице, обходя воронки от упавших снарядов. Зиночка не верила своим глазам. Всё, чего так боялись Петровцы, произошло. Как же случилось, что по её мирной вчера ещё,

прекрасной земле, чётко печатая шаг, идут вражеские захватчики. ...

Тем временем один из немцев отделился от основной группы, и, приметив стоящую неподвижно Зиночку, направился в её сторону. Ком, ком киндер, сказал немец, делая манящие знаки. Зиночка тускло посмотрела на солдата, однако не сделала никаких попыток двинуться с места. Очнувшись она только тогда, когда немец несильно толкнул её в спину, понуждая идти. Так, подталкиваемая в спину, Зиночка вышла на дорогу. К своему удивлению, она заметила, что немцы выгнали и согнали в кучу немало её односельчан. В одной из женщин Зиночка, не без труда, признала мать Женьки. Тётка Варвара была высокой, статной женщиной. Теперь же от её представительности не осталось и следа. Словно что-то сломалось в этом большом, некогда сильном теле. Варвара тоже заметила Зиночку, и, несколько ускорив шаг, быстро притянула растерянную девочку к себе. Почувствовав её крепкое, резкое прикосновение, Зиночка резко вздрогнула. Что-то, что невозможно было контролировать или удержать в себе, мощно вырвалось наружу целым потоком поздалых слёз. Худенькие плечики тряслись в жестоком ознобе, плач прерывался громкими всхлипываниями. Один из конвоиров раздражённо что-то крикнул, внимательно вглядываясь в толпу. «Молчи, молчи Зиночка!» — испуганно, зашептала Варвара, одной рукой крепко, обхватывая дрожавшую Зинаиду, а другой плотно, до боли, зажимая рот плачущей девочки. Постепенно рыдания стихли. Тем временем процессия незаметно добралась до клуба. Здание, как ни странно, уцелело, хотя вокруг ни осталось ни одного целого дома. Людей, подгоняя дулами автоматов, стали загонять внутрь. Загнав последнего, немцы навесили тяжёлый, амбарный замок. И выставили охрану. Люди растерянно рассаживались кто где. Подходить к окнам не разрешали, о чём красноречиво пояснили пленникам короткие, злые автоматные очереди. Зиночка заметила в простенке чудом уцелевшее зеркало. Подойдя вплотную, она недоумённо рассматривала отразившуюся там незнакомую, бледную девочку, с грязным, поцарапанным лицом. Что-то мешало ей узнать в этом отражении себя, что-то было определённо не так. Только что же именно — Зиночка никак не могла понять. Боже, охнул за спиной испуганный женский голос, так ты же совсем седая стала. Зиночка безразлично посмотре-

лась в своё отражение: и правда, её некогда чёрные, блестящие волосы словно присыпало толстым, слоем серого пепла. Как же меня теперь папа узнает? — стремительно пронеслась наивная мысль в детской головке.

Дорога была очень тяжёлой. Иногда Зиночке начинало казаться, что это никогда не прекратится. Кормили узников плохо и нерегулярно. Воду давали один раз в день, по одному небольшому ведру на весь вагон. Вода чаще всего была несвежей, набранной видимо из ближайшего к «железке» болотца. Однако измученные люди были бесконечно рады и этой, остро пахнущей тиной и гнилью. Спать приходилось на голом полу, ни о каких нарах не было и речи! Старики, женщины и дети были вынуждены ложиться вповалку, как придётся. Было так тесно, что лежать приходилось, старательно поджимая к груди ноги. Первое время многие плакали и кричали. Отчаянно стучались в двери и даже пытались вырваться из вагона. Фашистам даже пришлось выпустить несколько автоматных очередей по толпе. Раздались крики, несколько человек в вагоне получили ранения. При первых же звуках выстрелов Зиночка ничком бросилась на пол, и, стараясь не поднимать головы, постаралась отползти как можно дальше от двери. Это помогло, Зиночке удалось избежать смертельной опасности быть раненной или убитой. Медицинская помощь пострадавшим, разумеется, не оказывалась. Люди ничем не смогли помочь пострадавшим, и к вечеру пятеро, самых тяжёлых скончались. Так прошло несколько дней, а может быть, даже и недель. Наконец поезд остановился. В открытую вагонную дверь ворвался яркий солнечный свет. Этот свет нестерпимо резал уже привыкшие к полумраку вагона Зинины глаза. Люди, повинувшись инстинкту смертельно испуганных животных, сгрудились в тёмном полумраке вагона и не желали выходить. Однако спорить с мучителями было непрос-то. И, в конце концов, все оказались на перроне. Первое, что бросилось в глаза, уютные чистенькие домики, вдоль железнодорожного полотна. Аккуратные палисаднички радовали глаз пышными зарослями ирисов и левкоев. В синем, почти безоблачном, небе кувыркались маленькие чёткие фигурки ласточек. И если бы не вооружённый конвой, можно было бы подумать, что нет никакой войны.

ПО ТУ СТОРОНУ ВОЙНЫ

➔ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 7

Затем немцы принялись деловито сортировать вновь прибывших. Зиночке даже показалось, что они вовсе не видели в них живых людей, а скорее относились к ним, как к товару. Первым делом конвой отгеснил всех взрослых, чётко поделив узников на две возрастные группы. Первая состояла из пожилых мужчин и женщин, а вторая целиком состояла из детей, в возрасте от 3 до 15–16 лет. Над платформой, как туман над озером, висел густой многоголосый крик. Многие дети приехали с матерями, и теперь они были насильно оторваны друг от друга. Многочисленный конвой, помогая себе дулами автоматов, построил стариков и женщин в длинную колонну по двое и погнал куда то за станцию. Некоторые из детей попытались последовать за матерями, однако немцы жестоко пресекли эти несколько отчаянных попыток. Дети так же были построены в колонны попарно, и, сопровождаемые автоматчиками и сторожевыми овчарками, медленно тронулись в путь по причудливо петляющей между зелёных деревьев просёлочной дороге.

Впереди показалась высокая, в два человеческих роста, ограда. Наверху, для надёжности, было натянуто несколько рядов колючей проволоки. По всему периметру, через каждые 100 метров, уродливо возвышались сторожевые вышки. Под плоскими, аккуратно выкрашенными в ярко салатовый цвет крышами, Зиночка различила часовых с автоматами на шее. Большие ворота распахнулись.... Саласпилс, как прожорливое чудовище, бесстрастно заглотил новую партию. Это и был один из самых страшных детских концлагерей смерти, расположенных на территории Латвии — Саласпилс.

За забором располагались стройные ряды одноэтажных бараков. Детей согнали посредине лагеря, выстроив их полукругом перед покрытым тёмно-зелёным сукном столом. За столом было несколько стульев. Через несколько минут за столом сидели несколько человек. Среди них был комендант лагеря Краузе и его ближайшие помощники: Хеппер, Ткемеер и Бергер. Кроме них, Зиночка разглядела немолодого человека, с несколько тусклыми глазами и бледным лицом. На его плечи небрежно был наброшен несвежий медицинский халат. Рядом с ним плотно сжав красивые, чётко очерченные губы, сидела хорошо сложенная, рыжеволосая молодая женщина, с энергичным, немного полноватым лицом. Зиночке немедленно вспомнились школьные экзамены. Тогда она тоже стояла перед серьёзной, внимательно разглядывающей Зиночку, комиссией. Только тогда никто не угрожал ей автоматом, да и задавали ей совсем не те вопросы. Женщина, немного наклонившись через стол, внимательно разглядывала Зиночку. От её тяжёлого, липкого взгляда, по телу расплзался, неприятный холодок.

— Ты еврейка? — неожиданно спросила она по-русски. Зиночка растерялась. Никто никогда не говорил с ней ни о чём подобном. Поэтому она не нашла ничего лучше, как ответить:

— Не знаю...

— Как звали твоих родителей? — вновь спросила немка и прибавила, — только не лги мне, девочка!

— Отца — Иваном, а маму — Ниной.

Женщина внимательно посмотрела на Зину, что-то коротко записала в толстой тетради, и лениво махнула рукой. «Следующий», — сказала она, давая понять, что больше не имеет к девочке никакого интереса. Зиночка тогда так и не узнала, что находилась буквально на волосок от смерти. Фашисты ненавидели евреев, и стремились уничтожить их как нацию вообще. Но немецкой армии, также несущей потери на фронтах, была необходима кровь для переливаний. Много крови! И это страшное место, куда попала девочка, было своеобразной фабрикой живой человеческой крови. Так что она пока была нужна великой Германии.

У Зиночки и других, приехавших с ней детей, немедленно взяли на анализ кровь. Немцы таким образом рассортировали детей по группам крови. Ведь все знают, что у людей разная группа крови. У кого то первая, у кого то вторая, бывают ещё и третья и даже четвёртая. Детей развели по баракам, на стенах которых крупно были выведены цифры от 1 до 4. На некоторых бараках, цифры повторялись. Таким образом, фашисты, не проводя дополнительных исследований, могли знать наверняка, какую именно кровь они берут сегодня, или например, брали вчера. Зиночка попала в барак под номером 3.

Это было довольно вытянутое помещение, наспех сколоченное из необрезных, еловых досок. Кое-где щели были настолько большими, что Зиночка могла без труда просунуть туда руку где по локоть, а где и целиком. Как же тут холодно, наверное, зимой, пронеслась в детской головке быстрая наивная мысль. Вдоль стен тянулись такие же грубые, дощатые нары. На этих так называемых кроватях ей, видимо, предстояло спать. Зиночка огляделась: нигде не было ни малейшего намёка не только на матрас или подушку, но даже и на клочок грязного сена. На полу, хотя и пола-то как такового не было, под ногами была просто плотно утрамбованная земля, стояла большая железная бочка. Как позже выяснилось, туда раз в неделю заливали воду для питья. Барак очевидно не отапливался даже зимой, Зиночка не увидела ни печки, ни парового котла.

Вдруг она заметила, что в самом углу, на нарах, зашевелилась кучка тряпья. От неожиданности Зиночка вздрогнула, она никак не ожидала, встретить в этом мрачном жилище его обитателя. Внимательно присмотревшись, она поняла, что это ребёнок. И действительно, к испуганно сгрудившимся у самых дверей новеньким, подошёл мальчишка в рваной, с множеством прорех, полосатой пижаме, и совершенно лысой головой. Сколько ему было лет, сказать было трудно. Маленькое, сморщенное, обезьянье личико было каким то сероватым. Словно его припорошило пеплом. Глаза, обведённые синими кругами, придавали лицу жутковатое выражение. Походка была неторопливой, неуверенной, словно мальчишка ступал не по земляному полу, а по скользкому льду.

— Вы откуда? — первое, что спросил он, настороженно и цепко оглядывая Зиночку и других детей.

— А ты кто такой? — ответила вопросом на вопрос Зиночка.

— Я Сашка. Саша Жаров. Я из Бреста. А точнее из Брестской крепости, — ответил мальчик...

Ксения Иванова

17 лет г. Миасс Челябинской обл.

КО ДНЮ ПОБЕДЫ

На побелевших фотоснимках
Безусых мальчиков отряд.
Ещё вчера под звук пластинки
Им выдавали аттестат.

Шагнули неумелым маршем
Из детства в свой последний бой.
На пару лет меня постарше,
Но каждый среди них — герой!

Не слыша стон прощальный мамин,
Пришли от школьного крыльца,
Чтоб главный свой держать экзамен
Под градом острого свинца.

Недолюбили, недопели
Про васильковую весну,
За день мальчишки повзрослели,
Закрыв собою всю страну.

...Некрупным шрифтом на граните
Их написали имена.
Навек застыла в монолите
Жестокой болью та война.

Их имена и подвиг святы.
Мы скажем в тишине квартир:
«Спасибо вам за то, солдаты,
Что подарили людям мир!».

Александр Кузнецов
13 лет, д. Давыдово Орехово-
Зуевского района Московской обл.

ВОЙНА

Двадцать семь миллионов людей...
Двадцать семь миллионов жизней...
Они умерли ради нас
За свободу своей Отчизны.

Нет в России такого села,
Где бы не было похоронок.
И мать всё молилась, ждала
Сына с фронта живым и здоровым.

Сиротливо жужжала пчела
Над цветком одиноким и тонким.
Ну а мать всё сына ждала,
Прижимая к груди иконку.

ВИНТОВКА

Винтовка, простая винтовка,
Ты жизнь мне спасала не раз,
Когда я в бою на фронте
Сражался, врагов не боясь.

Враг был и огромен, и страшен,
Идя со штыком из огня,
Но не допустила осечки
Винтовка, спасая меня.

Подумалось: «Это чудо!
Я здесь! Я остался жив!»
И снова пошёл в атаку,
Винтовку с собой прихватив.

Бежали солдаты всё дальше,
И я вместе с ними бежал.
И падали, охнув, ребята,
В груди почуяв металл.

Потом воевали под Курском,
Очистили Беларусь.
Винтовка спасла меня трижды —
Её я не бросил, клянусь!

И всё же мы победили.

Фашист не ушёл ни один.
Мои друзья говорили:
«Увидим мы, Санька, Берлин!»

Прошёл я те долгие вёрсты.
И взял я не только Берлин.
Но рядом была винтовка,
На фронте я был не один!

Алёна Полуянова
12 лет, п. Сосьва
Свердловской обл.

* * *

Пушкой я не был на войне,
Не видел смерть в лицо,
Не рыл окопов, весь в земле,
Не рвал с гранат кольцо...

Пушкой война давно прошла
И пули не свистят,
Но только память нам нужна
О тех, что вечно спят.

В могилах иль на высоте,
Безвестной до сих пор.
И кто не думал о себе.
Врагов, держа напор...

Пока мы помним, что живем
Не за себя одних,
И что ответственность несём,
Лишь на плечах своих.

И только память оградит
От войн и новых бед.
Кошунства мир не совершит
Пока так чётко след.

Мария Расторгуева
15 лет, г. Москва

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Серое небо в стонах,
В городе нету хлеба.
Белых деревьев кроны
Уходят в серое небо.
И серое небо в смерти.
Она ходит по городу,
Страшная, с косою и голодом.
И бомбы летят на землю.
И дни идут за неделями.
И девятьсот дней,
Дней, уходящих в темень,
С морями темных огней,
Алыми от мучений.
Но музыка звучала,
Даже и в те годы.
Она уходила за дали,
Она поднимала роты,
Солдат, детей и женщин
В блокадном Ленинграде.
И не гасли свечи,
Свечи надежды не гасли.
И вился надежды луч,
Играющий за ветвями
Деревьев, голых от смерти,
Поникнувших летом листьев,
И вился надежды луч
В небе притихшей жизни.
Он огибал дома,
Он огибал дороги,
Луч, как сама Весна,
Приподнимал голодных,
Приподнимал несчастных,
Приподнимал бездомных,
Летел, как искорка счастья
Из серого неба в бездонное.
И засияло Солнце
Народа Непобежденного!!!

Светлана Резвая

16 лет, г. Заринск Алтайского края

Мир без войны

Отгремели выстрелы,
Кончилась война.
По берёзе белой
Катится слеза.

Плакала берёза,
Ветви наклонив.
Под берёзой этой
Паренёк погиб.

И в широком поле,
Там где шли бои.
Средь колосьев хлебных
Встали васильки.

Солнце золотое
Вышло на поля.
Небо голубое,
Мирная земля.

Вечная память

Пролетела грозная птица,
Сорок первый ступил на порог.
С фашистской бандой сразиться
Собирала страна народ.

Забрала война самых смелых,
Самых лучших наших ребят.
Ваши мамы в платочках белых
У порога в слезах стоят.

Кто-то дошёл до победы,
Кто-то под пулями лёг,
Жизни своей не жалея,
Землю родную сберёг.

Подвиг отважных героев
В памяти мы сохраним.
Вечная память погибшим,
Вечная слава живым.

Иван Саломатин

17 лет, д. Давыдово, Орехово-Зуевский район Московской обл.

ВETERАНЫ

Нет, не ваша вина в том,
что вы постарели...
Взгляд уже не лучится,
немного согнулась спина,
Но вы шли по дорогам войны,
в обгорелой солдатской шинели,
Отдавая победе себя,
и чуть больше... сполна.

Это вы отправлялись в сырые окопы
Под снега и пургу, проливные дожди,
Шли солдатской дорогой
по странам Европы,
Лишь отправив домой треугольник
с одним только словом: «Ты, жди...»

Жди, родная, и знай,
я вернусь, я приеду,
Несмотря ни на что постучусь у ворот...
Так в огне зарождалась,
ковалась победа,
В тот далекий и трудный,
овеванный славою год.

В день Победы под звуки оркестра
и марши,
Ветераны, свои прикрепив ордена,
Сердцем молодёжь вы,
сыновей своих чуточку старше,
Открываете праздник парадом,
как в том 45, тогда....

ПРИДИТЕ К ОБЕЛИСКУ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ... Стихи поэтов Зауралья

Николай АКСЁНОВ

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Легат в земле прославленные деды,
Что одолели вражескую тьму.
Придите к обелиску в День Победы
И низко поклонитесь вы ему.

Пусть от удобных кресел и диванов
Вас уведет небесная звезда.
Не любит Бог непомнящих Иванов
И не простит забвенья никогда.

Побудьте там весеннею порою,
Вглядитесь в список тех имен и дат
И помяните вы своих героев,
Отцов и дедов — умерших солдат.

Постойте молча вы у обелиска,
Не так, как перед глыбой литой.
А снова поклонитесь низко-низко
Их незабвенной памяти святой.

Растают в вашем добром сердце
льдинки,
И вырвется невольный тихий стон,
И упадут прозрачные слезинки
На серый отшлифованный бетон.

Соприкоснитесь с прошлым
в настоящем,
Все надписи прочтите, не спеша.
И вас своим крылом животворящим
Коснется их бессмертная душа.

Александр ВИНОГРАДОВ

ВОКЗАЛ. ЯНВАРЬ 43-ГО

Вокруг торопится народ.
Потемки. Холод.
От мамы я бегу вперед:
Какой он, город?
И вдруг — солдат на костылях!
Глаза я поднял —
И понял, что такое страх.
Навек запомнил.
Качалась на его спине
Нога чужая.
В деревне о протезах н-не...
Не знал тогда я.
И от беды небывалой
Я просыпаюсь опять...
Сколько годов миновало,
А не дает забывать.
Не отойти от былого
Детям закланной войны:
Хлеба ведь вдоволь, любого!
Снятся ж голодные сны.
Странно другим, ну а мы-то,
Мы понимаем втройне:
Как позабыть, коль досыта
Ели мы только во сне?

Яков ВОХМЕНЦЕВ

СТАРИК

Смерть никогда не знала, чей черед —
Ей только б тлен
распространять по свету.
Уже не рад старик, что он живет...
Кому бы жить да жить,
того давно уж нету.
Два сына у него
шли сквозь огонь войны.
Враг при своем падении свалил их,
Они лежат в земле чужой страны,
Куда отец и съездить-то не в силах.

Сидит старик, в былое взгляд вперив —
Последнее звено оборванного рода.
Он, как Царь-колокол, тяжел и молчалив,
И дума у него, как он, белоборода.
Разбитые, дай срок, воскреснут города,
Но труп не станет человеком снова.
Смерть не придет вовеки лишь туда,
Где не найдется никого живого.
А жизнь и так не больно велика.
В ней даже дряхлым

нету дней спокойных:
Вот и сегодня душу старика
Терзают вести о далеких войнах.
Сидит он, очень слаб и одинок,
Как изваянье скорби и печали.
Не будь войны, теперь у этих ног
Наверняка уж правнуки б играли.

Виктор ГИЛЁВ

* * *

Победный день,
Священный день весны.
Прозрачная березовая пролесь.
Еще живет надежды
Слабый проблеск,
Что он придет,
Воротится с войны.
...Напрасно ждать в родимый край отца,
Погибшего
У вражеского дота.
Но яблоня,
Как матушка с крыльца,
Его встречать
Выходит за ворота.

Алексей ЕРАНЦЕВ

В СОРОК ТРЕТЬЕМ

Мы у крыльца седлали хворостины,
Неслись, крутя над головой клинки,
И, словно бурки, хлопали по спинам
Холщевые порожние мешки.
Дорога прокаленная бежала
Туда, где под обрывом у реки,
Самих себя
От нетерпенья жаля,
Щетинились крапивные полки.
У них мундиры были лягушачьи
И каждый лист, как гжучая ладонь,
Но не от боли, а от злости плача,
Рубил их босоногий эскадрон...
Помощников встречая у порога,
Усталых, прокоптившихся в пыли,
Дивилась мать,
что снова слишком много
Крапивы мы для супа принесли.

Николай КЛИМКИН

* * *

Я недавно случайно услышал рассказ,
Как под камнем, в лесу возле Буга,
Следопыты отрыли противогаз
С документами Виктора Струга...

Он стоял в сорок первом
у Брестской стены,
Он стоял до последнего вздоха,
И пробитый осколком в начале войны,
Партбилет он запрятал под мохом.

Пересылка, тюрьма, лагеря, лагеря...
Шесть побегов в течение года.
И нашивку пришили на спину не зря,
А он жил, веря в черта и Бога.

Он не рвался к немногим,
стремящимся в рай,
Он бежал от погони в дверь ада,
Он бежал, словно в прятки
со смертью играл,
Полосой, где свистели снаряды.

Вот траншея, последний бросок,
Впереди — каски с красной звездой,
И скатившись за бруствер
в горячий песок,
Прошептал: «Русь, я снова с тобою»...

Много жизней война унесла,
Разбросала могилы по свету.
Нет им, холмикам малым, числа,
Скорбным холмикам нашей планеты.

Надежда МОТОРИНА

* * *

27 января 1944 года —
День снятия блокады Ленинграда

В глазах сегодня боль и радость
У стариков страны моей —
Кто жил в блокадном Ленинграде
Те девятьсот смертельных дней.

Сегодня плачут без утайки,
С души снимая скорби груз,
Кто помнит стограммовой пайки
От горя горький-горький вкус.

Кто с ними сердцем был и мыслью,
И хоть друзей своих терял —
Упрямо по «Дороге жизни»
Продукты в город доставлял.

И плачут те, кто шел на битву
Глаза в глаза, лицом в лицо,
Кто потом, кровью и молитвой
Прорвали страшное кольцо.

Алексей ПЛЯХИН

ВETERАНЫ

Сегодня мы, участники войны,
Везде и всюду, как на пьедестале,
Таким вниманием окружены,
Что от него мы, чувствуем, — устали.

Ну, что же — терпим, ибо в этот час
Мы видим, осуждать за то не смея,
Что юные рассматривают нас,
Как чудо из запасников музея.

И норовят потрогать ордена,
Слова прочесть на каждой из медалей...
Что ж, мы для них — реальная «война»,
Которой молодые не видали.

Мы по России-матушке по всей,
Как снег, белеем и, как он же, таем.
Им завтра будут книжка да музей
Рассказывать о были грозных дней,

Которую мы лучше книжек знаем.
Да, так велик он, памяти запас,
Что весь в строку веков не воплотится.
Поэтому — рассматривайте нас.
И слушайте. Вам это пригодится!

Николай ПОКИДЫШЕВ

* * *

Сегодня в ночь обрушится война
На старый Брест, на Холмские ворота.
На смертный бой поднимется страна
И первой в бой опять пойдёт пехота.

Бессчётных пушек рвякнет хриплый бас,
Взрочкочут танки, взмоют самолеты.
Рванутся корабли, меняя галс,
Во все моря на жуткую охоту.

Эфир взорвется криком позывных
И воздух раскалится от снарядов,
И будет смерть подряд косить живых,
И станет каждый миг страшнее ада.

Четыре года! — битвы тяжкий ад:
Без продыха, жестокий и кровавый.
Но до сих пор везде огни горят —
Огни бессмертных подвигов и славы.

Но до сих пор пропавших свято ждут,
Во здравие в церквях им ставят свечи.
Об убиенных слёзы так же жгут
Глаза и сердце — если плакать нечем.

Всё так же память на войну ведёт,
И беспощадней добивают раны.
И неё внутри невольно вдруг замрёт,
Когда июнь и день —
с тем утром ранним.

Сегодня в ночь обрушится война.
Ну, а пока и лист не колыхнется.
Последний час над миром тишина
И живы все, кто с битвы не вернется!

Марина ТАНАЕВА

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Она ждала всю жизнь до самой смерти:
Вот-вот вернется сын ее с войны.
Пусть люди говорили ей: поверьте,
Ваш сын погиб, как многие сыны.

Но похоронки серая бумага
Для матери, как видно, не указ.
«Погиб героически, в Латвии, в атаке,
Ей повторяли строки много раз.

Меняла каждый день нам всем рубахи,
Ждала: вернется сын ее с войны.
«Придет Афонька — будем, как неряхи?
Встречать его мы всей семьей должны».

Она ждала всю жизнь до самой смерти,
И умерла, во встречу веря вновь.
Друзья мои, с великим чувством верьте
В святую материнскую любовь.

Владимир ФИЛИМОНОВ

* * *

В сорок пятом, в светлом мае,
после славы и побед,
дома, на одном дыханье
баню выстроил мой дед!

А потом еще кому-то,
чтоб облегчилась судьба.
Бабка плакала: «Избу-то...».
«Ничего, дождет изба!».

В этой бане перемылась
вся окраина села,
пусть по-черному топилась,
но зато нужна была.

Еще пахла древесина,
смолью капала доска,
на полке дед сделал сына
в память павшего дружка.

Что еще бывает лучше,
если целый и живой?
Баня! С паром вязко-жгучим
и водою ключевой.

В бане внук уже солдатом
мылся, в отпуск приходя!

Умер дед в семидесятом,
вспоминаю — не судя.

Иван ЯГАН

ВСТРЕЧА

Я помню день, пришедший так нескоро.
Он шел, весь в славе,
в радостях, в слезах.

И в честь его над низенькой конторой
Вдруг вспыхнул яркий и огромный флаг.

О, День Победы! Крестятся старушки,
Гадалки сыплют карты всех мастей.
А вдовы тихо падают в подушки,
В избу, собрав задумчивых детей.

А я тогда учился радость прятать.
И счастье есть, и все же трудно с ним...
Мальчишки! Тети! — Мы ж не виноваты...
Мы вам поможем, Мы вам все дадим!

Придет отец, он принесет подарки —
И все их вам до одного раздам...
Мы ждем отца. И дни тем летом жарким
Семье казались равными годам.

А вот и осень кличут в небе птицы,
Летя к теплу, за высь безвестных гор.
Двумя мешками веяной пшеницы
Явилась осень в безоградный двор.

Придет зима суровая без спросу,
Ворвется лешим в улицы буран...
Пока тепло — мать за деревней косит
На топливо уже сухой бурьян.
Сестренки в поле.

Бабушка — за стиркой.
Я, примостившись тихо у окна,
Сижу на лавке и латаю дырку
На вышеупомянутых штанах.

Ура!
Я раньше бабушки заметил:
Во двор солдат хозяином вошел.
Его таким я помню по портрету.
В руках шинель да желтый вещмешок.

Все прожитое помнится легко мне,
И все запомню — буду жив пока,
Лишь одного — хоть ты убей —
не вспомню,
Как очутился на его руках.

Через минуту серым полем прямо,
Вспузырив рубашонку на спине,
Тараня ветер,
мчусь с той вестью к маме,
Сбиваю ноги на сухой стерне.

Перехожу на рысь и вижу:
Мама
(Наверно, сердце чуяло её)
Взяла платочек белый из кармана
И уронила на землю косье...

Тебе сейчас бы взвиться чайкой легкой,
Лететь туда, где радость — с океан,
Но ты, смеясь, раскинула веревку
И принялась накладывать бурьян.

Сплела концы и, затянув потуже,
Взяла вязанку на плечи легко.
Идем домой варить для гостя ужин.
А «гость» идет навстречу прямиком.

Идет все той же и не той походкой.
Сошлись.
Я слышал: дрогнула земля.
К ногам упала рыжая пилотка,
За ней — вязанка, горечью пыля.

И вот он, исходивший пол-Европы,
Насквозь пропахший гарью от войны,
Шагает полем по заросшим тропам,
Вязанку сняв со слабых плеч жены.

И лишь теперь, за все четыре года,
Она опять почувствовала вдруг
Восторг и немощь перед этой гордой
Мужскою силой работающих рук.

Александр МАУРОВ

Новеллы из жизненной мозаики: «От финской до Афгана...»

НАШ КЛАСС

Не вижу необходимости рассказы-
вать о разношерстной малышне: пер-
воклашки всех эпох одинаковы — на-
ивные, доверчивые.

Деревянное здание школы дожило до
наших дней. Учится в ней такая же самая
ребятня, разве что поменьше среди них
худосочных и почти ни одного в заплатан-
ных пиджаках с отцовских плеч. Окружи-
ли нашу школу стандартными девяти-
этажками, двор залили асфальтом и
только узкую полоску земли вдоль стен
пощадили — чтобы деревья не задохну-
лись. Вязы и тополя одряхтели, некото-
рые совсем засохли. Школа, как и её ро-
весница баня за забором, доживает посл-
едние месяцы. Баню уже закрыли, на её
территории рычат бульдозеры.

Побывал я и в своём родном классе.
Круглая печь возле простенка осталась,
только топку замуровали намертво.
Печь потолок поддерживает оказывает-
ся. Парт уже нет — столы.

Всё это сейчас. А тогда...
...Чёрная школьная доска, два ряда
парт, перед ними стол учителя. На про-
тивоположной от окон стене длинная
рейка с крючками для развешивания
наглядных пособий.

Двадцать парт — сорок учеников.
Мы с Володькой отвоевали самое удоб-
ное местечко: сбоку — окно, за спиной
— печка. И тепло, и светло. Многие нам
завидовали.

Александра Григорьевна — наша

АВТОРА!

Мауров Александр Николаевич ро-
дился в городе Муроме Владимир-
ской области в 1926 году. Актив-
ный участник Великой Отечествен-
ной войны. На фронте с октября
1943 года. Дошел до Берлина, во-
евал с японцами на Курилах. На-
граждён орденами Славы 3-й сте-
пени и Великой Отечественной
воны 2-й степени, многими меда-
лями. Член Союза писателей СССР
с 1961 года. Автор 6 книг стихов и
прозы, вышедших в России и на
Украине. Лауреат Всероссийской
литературной премии имени
Д.Н. Мамина-Сибиряка.
Последние годы жил в городе Вер-
хняя Пышма Свердловской облас-
ти. Умер в 2005 году.

учительница — поняла это, и когда я
схлопотал «неуд» по арифметике, при-
грозила:

— Рассажу вас с Провоторховым.

Подействовало.

В нашем классе оказался и мой дво-
юродный брат со стороны матери Гри-
ша Зуев — тихий, застенчивый. Отец
Гриши — столяр. В первое время дядя
Федя частенько навещал нас, помогал
обустраиваться.

Почти половину парт второго ряда
занимают детдомовцы. Чистенькие, ос-
триженные, дисциплинированные. И
мальчики, и девочки — все в сером оде-
янии, все вместе.

Совершенно неосознанно между
«домашними» и детдомовцами нача-
лась борьба за первенство, как в клас-
се, так и на школьном дворе. Многие с
синяками красовались...

Особенная неприязнь, прямо-таки
ненависть какая-то, зародилась между
мною и детдомовцем Мишей Сычёвым.
Наши стычки кончались тумачами почти
ежедневно. По договоренности никто
не вмешивался, не разнимал нас.

— Дураки вы оба, — определил Вовка.

«Междуусобица» закончилась со-
вершенно неожиданно.

Однажды Мишка не пришёл в шко-
лу. Дежурный доложил, что Сычёв бо-
лен, врач освободил его от уроков.
Александра Григорьевна кивнула, про-
шла по классу и остановилась возле
меня. Я встал.

— Сейчас урок литературы. С лите-
ратурой у тебя всё нормально. Иди в
детдом, навести Сычёва. Узнай, как он
себя чувствует.

— Может... после уроков? — пробор-
мotal я.

— Ты понял, что я сказала? Иди. Кни-
ги оставь в парту.

Детский дом находился позади быв-
шего монастыря. Железные решетчатые
ворота распахнуты. Рослый парень с
красной повязкой на рукаве спросил,
кто я и что мне надобно. Выслушал,
прибнял за плечи, указал на флигель
в глубине сада.

— Там у нас лазарет. А у Мишки пус-
тяк — пятку вчера в реке порезал. Док-
тор велел полежать денёк.

Я шёл тропкой и удивлялся — осень,
а здесь всё ещё краснеют яблоки. Миш-
ка потом пояснил дружелюбно:

— Запрещено по деревьям лазать —
штаны быстро рвутся.

— А как же с яблоки достать?

— А мы их рыболовными сачками
снимаем!

Санитарка-старшеклассница при-
несла Мишке компот, и меня угостила.
Посмеиваясь, Мишка признался:

— Знаешь, у меня от твоих кулаков
бока болят...

— Да и ты вроде не слабак!

Мы посмеялись и... подружились.
Все это поняли.

«Домашние» с нескрываемой зави-
стью, детдомовцы, как вполне есте-
ственное.

Однажды, когда несколько «домаш-
них» напали на отставшего от своих
детдомовца, я кинулся на его защиту.

Самое удивительное в этом незна-
чительном эпизоде, что мой брат, гля-

девший на свалку со стороны, фыркнул пренебрежительно:

— Ты и сам, как детдомовец. Нос-то вытри...

Прозвище прямо-таки приросло ко мне — многие даже имя моё забывать стали:

— Эй, детдомовец, ты примеры по русскому сделал? Дай, сдую...

...Кланяюсь низко светлой памяти Александры Григорьевны, осуждённой в финскую войну, как шпионка. Именно она в пору моего нравственного становления показала мне тропку к настоящей дружбе. Чтобы появились друзья, надо самому не носить камень за пазухой!

БРИТОГОЛОВЫЙ ПОП

Некоторые пионеры ходили со своими бабушками в церковь, но на это как-то не обращалось внимание. Но когда один из старшеклассников не только присутствовал при венчании его сестры, а даже держал над её головой какую-то корону, — об этом заговорила вся школа. Товарищи отступника донесли об этом позорном явлении куда следует...

В канун Нового года в школе проводился утренник на антирелигиозную тему. Мы с Вовкой проскочили в зал между дежурными и уселись напротив сцены. Пахло лесом: огромная ель стояла в углу, пока ещё связанная.

В девять, почти по звонку, на сцену вышел директор в военном френче. Следом за ним — двое незнакомцев. Один — крупный, бритоголовый, с распахнутой грудью. Директор позволил нам сесть, жестом пригласил гостей за стол президиума. Не успел он и слова сказать, как бритоголовый ладонью отодвинул его, заговорил окоающим басом:

— Лучше меня никто не знает, а потому всё сам скажу. Зовут меня отцом Петром. Похожя на твоего отца? — неожиданно спросил он у меня и подмигнул дружелюбно.

Заскрипели скамейки. Бритоголовый отошёл от края сцены, лицо его стало серьезным. Поговорив о недостойном поведении верующего комсомольца, он махнул рукой и улыбнулся.

— Сами разберётесь... Имя — отец Пётр — свидетельствует о моём сане. Отец, значит, поп, по-вашему. Выпускник духовной семинарии, а мирское имя моё — Пётр Алексеевич. Тёзка великого государя, как видите... К слову, в той же казённой семинарии, что и я, учился Максим Горький, хотя он и не любит вспоминать об этом... Ну, так поговорим о Боге или псалмы споём? Могут научить.

Зал весело загудел — вот это поп! Пётр Алексеевич достал из кармана штанов платок, высморкался, сказал сердито:

— Повода для веселья не вижу: тема мусолится веками и всё без толку. Пишите записки, спрашивайте — не старушки на паперти. Вот, Влас Игнатьевич — мой оппонент, разберётся, что к чему... Но сначала спрашивать буду я. Сказку о Балде и попе читали? Ага, читали... А «Очерки бурсь» Помяловского? Гм-м... не густо. Помяловский, к слову сказать, тоже духовного звания. Какими изображаются попы в народной молве? Все знаете — жадные, скупые, неумные и плодovitые... Помните слова Горького: «Человек — это звучит гордо»? Ага, помните... А каковы религиозные догмы? — Пётр Алексеевич начал загибать пальцы, — покорность, смирение, всепрощение, двинули в правую скулу, подставляя левую и так далее. И — всеобщая трусость, — вера

в загробную жизнь. Но никто и никогда не вернулся на землю из рая или, там скажем, ада. Религия учит: не надо ни о чём спрашивать, ты должен только верить. Но есть Бог, есть и всевозможная нечисть — домовые, лешие, вурдалаки и прочая пакость, включая всем известных чертей. Тут они помалкивают: ты верь, да и только! И всё начинается заново: у попа была собака... Слепая вера — путь к фанатизму. Самые жестокие войны — религиозные. Гугеноты вырезают католиков, магометане — христиан и так далее. Фанатизм — самое большое зло. Здесь кроется ещё одна всеобщая беда — распад государства по религиозным, а значит, и национальным признакам.

Он помолчал, отпил воды из стакана, прочёл записку, поданную его спутником. Покачал головой, усмехнулся.

— Знал — спросите... Но сначала закончу свою мысль: величайшее завоевание советской власти — религиозное и национальное равенство. Все люди — братья! Такова наша советская религия. А теперь удовлетворю ваше любопытство. Я не скучно говорю?

Переждав шум в зале, Пётр Алексеевич потёр ладони и остановился на краю сцены.

— После семинарии служил в храме — пеел, подпевал, помахивал кадилом и так далее. Ходили по крестинам, свадьбам, где наедались и напивались досыта... — он посмотрел поверх наших голов, прижмурился. Мне даже показалось, что облизнулся от приятных воспоминаний.

— В гражданскую определили меня в денкинскую армию. Священнослужителем, конечно. Ружьё в руки не брал — врать не стану. В основном приходилось исповедовать и благословлять идущих на тот свет... У человека смерть за плечами, а он в глаза смеётся: пошёл ты, батя! Завидовал я таким... Потом перевели в карательный отряд. Возликовало было — все верующие: ложку ко рту не поднесут, лба не перекрестя. А на поверку, туго мне пришлось — расстрелы, казни ежедневно. Однажды командир нашего отряда сам повёл на казнь красноармейцев. Трое их было. Идут, покуривают. Руки не связаны: не убегут — пуля догонит. Привели на кладбище за деревней, привязали к крестам, облили бензином и подожгли. Тут словно осенило меня: Христа на кресте распяли и этих тоже... И кто казнит? Верующие, православные...

Пётр Алексеевич помолчал, потёр затылок:

— Много я в ту ночь передумал. Перед рассветом пошёл каяться в грехах. Не в церковь — к красным. Они за речкой стояли. Прихватил с собой командира того — зело лютый был его благородие, хотя и весьма хлипкий. Поверили комиссары в моё раскаянье. Простила меня советская власть.

Пётр Алексеевич достал из кармана похожие на небольшой будильник часы: — В заключение скажу, отроки мои простодушные. И ныне, как тогда в гражданскую, государство наше в кольце Японии, Финляндия... Что вам придётся защищать его — истина непреложная. А много ли навоюешь, следуя завету: врзали в одну скулу, подставь другую? То-то и оно.

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

В памятном году, под осень, ко мне в Свердловск приехал на побывку мой сын Пашка. Виноват: старший лейтенант Павел Александрович. Урвал несколько деньков от жены и дочери в Куй-

бышеве. А весь отпуск — тридцать суток. С дорогой.

По рассказам сына выходило: служба идёт нормально, два пулевых ранения — на войне не без этого. Нина, сноха моя, жива-здоровая, родители и брат её тоже. Алёнка уже бегаёт, хотя и падаёт частенько. Но не хнычет. Старшего лейтенанта присвоили недавно, а за бой серьёзный «Звёздочкой» наградили. И снова об Алёнке:

— Красивая девка растёт, батя! Вся в мать.

— Привёз бы, показал...

— Думал. На сутки — не имеет смысла. Отвоююсь — все вместе нагрянем! — умолк, неспеша разминая сигарету, добавил задумчиво: — Если всё нормально будет...

Мы сидели за журнальным столиком возле открытой балконной двери. Лайка Чара улеглась возле моего кресла, щурилась сонно и только уши реагировали на каждое движение Павла — отвыкла от гостей. Солнце ушло за крыли многоэтажек, зарево вдали над лесом походило на нежнорозовое море. Внизу погромыхивали тамвайи, на кухне мурлыкало радио.

Сын закурил, глянул на себя зеркалом в шкафу — какой солдат первым орденом не любитесь!

Я в очередной раз наполнил рюмки. Сын прищурился слегка, предложил осторожно:

— А не прогуляться ли нам, батя?

«Батя» — это в нём материнское. Людмила была украинкой.

— Обязательно пройдемся. А теперь, давай, по единой — помянем твою маму...

Выпили. Спросил его:

— Мать-то помнишь? Или только по фотографиям?

— Ну как же, батя. Я тогда уже в школу пошёл.

— В школу ты пошёл через год... — мне подумалось о быстротечности времени: Пашка уже догнал Людмилу по возрасту...

Людмила умерла нелепо — заразилась трупным ядом в анатомичке. После её смерти воспитанием внука занималась моя матушка, а в летние каникулы он плавал со мной по разным морям, смотрел на мир, набирался ума-разума.

...А ещё в тот счастливый день была вечерняя прогулка. Мне были приятны взгляды встречных женщин, которыми они одаривали моего сына: офицер, румяный, рослый, с орденом...

Дошли до опушки. Из чащи тянуло осенней прелью. Чара золотисто-рыжей лисицей металась по обочинам тропы — мышковала. А может, ещё какую живность чуяла.

Тут-то Павел и спросил меня о моём отношении к войне в Афганистане и вообще ко всевозможным военным конфликтам. Я ждал этого вопроса и ответ приготовил заранее.

— Возможно, Паша, я чего-то непонимаю. Но я — солдат. По нынешним меркам это выглядит наивно, но я присягал защищать Родину и защищал её в меру сил. Конечно, у нас всё было проще, прямойлинейней что-ли... Приказ — это приказ. А приказы в боевой обстановке не обсуждаются. Разве что с друзьями в уголке повздыхаешь...

Больше этой темы не касались. Заговорили о другом — давно волновавшем меня. Я частенько подумывал: почему один живу в трехкомнатной квартире, а жена сына и моя внучка ютятся в тесной комнатке. Пусть приезжают ко мне — на всех места хватит! Да и Павлу в его боях-походах будет спокойнее: семья пристроена. Пока возвращались с прогулки решили вопрос окончательно

но — разговоры-то об этом давно велись.

— Спасибо, батя.

— За что? Ты, старлей, не знаешь пока, что такое одиночество, и дай-то тебе Господь не ведать этого. Ая, сынок, уже заглянул в эту чёрную пустоту...

В Куйбышев дозвонились с первого захода. Семейная беседа сына с женой явно затягивалась. Я отнял у Павла трубку, предложил Нине подумать, посоветоваться с родителями. О решении сообщить не позднее завтрашних десяти ноль-ноль — её мужу улетать на службу. Вот так.

Утренний звонок определил дальнейшую жизнь. Нина сообщила: начинать увольняться с работы, готовиться к переезду.

После завтрака мы вызвали такси, поехали в Кольцово. Сын полетел довыывать, а я вернулся домой и начал готовиться к приезду снохи и внучки.

Через полторы недели я впервые покачал свою почти двухлетнюю внучку на ладонях. Алёнка оказалась ребёнком крепким, краснощёким и увесистым.

Нине, которая, как и её покойная свекровь, была медиком, работу подыскали без особых хлопот. Алёнку тоже удалось пристроить в ясли на углу нашего квартала. Сообщили об этом Павлу. Он ответил, что доволен, что всё так хорошо устроилось и на душе у него поспокойнее.

А через пятьдесят семь суток после этого пришло извещение о его гибели в бою.

Хоронили сына в Свердловске. Доставленный «чёрным тюльпаном» наглухо запаянный цинковый ящик был предан земле с воинскими почестями.

О том, как любящая жена переживает гибель мужа, сложено немало песен и легенд. О себе скажу: по-настоящему больно и страшно родителям хоронить детей.

Прошел год после гибели Павла, второй пошёл... Слезы Нины высохли значительно раньше — у пригожих вдовушек много утешителей, и кто их осудит за это? Как-то я заметил с удивившим меня самого раздражением: Нина похорошела, посвежела, да и голос её зазвенел иначе — Павел рассказывал, что ещё до поступления в медицинский она мечтала стать певицей. Когда ей приходилось «задерживаться на работе», я улавливал в её голосе нотки неловкости, виноватости какой-то. Понимал: в мой дом она никогда не введёт отчима Алёнке.

Всё утряслось по-житейски просто. Однажды внучка возилась с Чарой на ковре в моей комнате, да так обе и уснули. Нину привёз кто-то из друзей — весёлую, жизнерадостную. Уложив Алёнку в постель, она снова вошла ко мне, уселась на уголок дивана. Сообщила, что встретила школьного друга, что родители зовут её домой. Спросила, как я отношусь ко всему этому.

Я ожидал чего-то подобного — молодая, здоровая... Дочка на руках — так ведь не нагулянная же! Ну, а я... Много ли нам с Чарой надобно. К тому же я — отец её покойного мужа, дед Алёнке...

О дальнейшем вспоминать скучно. Квартиры разменяли. В переезде к родителям Нине крепко помог школьный товарищ. Тоже офицер, служит в Куйбышеве...

Финал таков: сноха и внучка — там, я — в Верхней Пышме. Нина первое время сообщала, что Алёнка растёт, что появился у неё братик, назвали его в честь деда — Александром.

Потом письма стали приходить всё реже, были всё суше. По обязанности, так сказать. Впрочем, всё закономерно: такова жизнь!

ПОЛОЖЕНИЕ о Всероссийской литературной премии имени В.Т. Станцева

Всероссийская литературная премия учреждается в ознаменование памяти известного поэта-фронтовика Венедикта Тимофеевича Станцева (1922–2009) с целью поощрения современных авторов, верных литературным традициям писателей фронтового поколения, идеалам государственного служения отечественной литературы.

На соискание премии могут представляться сборники (циклы) стихов, посвященные военно-патриотической тематике, художественному отображению подвига защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, стихи о солдатах и офицерах современной российской армии, а также произведения гражданской и любовной лирики, олицетворяющие собой человека-победителя, не сдающего обстоятельств судьбы, противостоящего разрушительным тенденциям эпохи. На соискание премии могут так же претендовать сборники рассказов и эссе указанной тематики, относящиеся к так называемой «поэтической прозе», написанные образным, поэтическим языком.

Учредителями премии выступают Ассоциация писателей Урала, Свердловское отделение Литературного Фонда России и Е.В. Григорьева — дочь поэта В.Т. Станцева. Соучредителями могут выступать Администрации субъектов РФ, городов, общественные объединения и другие заинтересованные организации и физические лица.

Учредители конкурса создают Оргкомитет, в функции которого входит распространение информации о конкурсе, прием произведений соискателей, подбор экспертов в состав отборочной комиссии на первом этапе конкурса и членов жюри — на втором этапе, а также организация церемонии награждения победителей и иная работа, необходимая для проведения конкурса.

Выдвижение соискателей на премию имени В.Т. Станцева производят областные и окружные писательские организации Союза писателей России и Союза российских писателей, библиотеки, редакции периодических изданий, книжные издательства, учебные заведения и другие организации, а также сам оргкомитет.

Произведения участников принимаются до 1 апреля года вручения премии по адресу: 620075 г. Екатеринбург, ул. Пушкина, д.12. Ассоциация писателей Урала. С пометкой: на премию имени В.Т. Станцева

Для официального включения соискателя на конкурс должны быть представлены в оргкомитет: письмо-заявка или выписка из протокола собрания (правления) выдвигающей организации; анкета соискателя и краткая творческая справка; три экземпляра выдвигаемого произведения. По возможности представляются критические статьи и отзывы о произведении.

Подведение итогов осуществляет жюри, в которое входят известные писатели, критики и представители Ассоциации писателей Урала и Литературного Фонда РФ. Результаты конкурса публикуются в средствах массовой информации.

Предусматривается вручение одной премии размером 30000 рублей. По решению жюри размер премии может быть увеличен, и она может быть разделена между несколькими конкурсантами. Так же победителю вручается специальный диплом и нагрудная медаль лауреата.

Фонд премии формируется за счет добровольного пожертвования средств со стороны соучредителей.

Церемонию награждения лауреатов конкурса планируется проводить один раз в два года в канун Дня Победы в торжественной обстановке.

РЕКЛАМА

Издательство «АсПур» предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов (афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги).

С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Обращаться по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.

Телефоны издательства:
(343) 371-12-06, 216-11-63,
8-912-22-604-92.

E-mail: aspurizdat@mail.ru

Эксклюзивные путешествия на Святую землю организует Орден Вольных Путешественников для туриста-одиночки, для групп от 2 до 12 человек

о Природа Израиля:

Поклонение воде и стихия пустыни
Эйлат – город на берегу Красного моря
В садах Эдемских
Подземный Израиль
Восхождение на гору Мерон (1220 м)

о Литературно-художественный Израиль

Маршрутная карта путешествия составляется индивидуально и учитывает все интересы туриста.

Контакты: Тел. (343) 214-49-55. E-mail: proekt47@list.ru

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1. Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
2. Вся верстка выполняется на платформе РС.
3. Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
4. Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
5. Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все изображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
6. Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

№2(25)

АПРЕЛЬ—МАЙ 2010
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ И
ПОВОЛЖЬЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Екатеринбург:

Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.
Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения Союза
российских писателей;
Казарин Ю.В.
председатель отделения Союза
писателей России.

Барнаул: Тихонов В.Е.

председатель краевого отделения
Союза писателей России

Кемерово: Бурмистров Б.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: Морозов В.И.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: Филимонов В.И.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко: Овсянников А.В.

председатель окружного отделения
Союза российских писателей
Быковский В.А.
председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижевартовск: Александрова М.А.

председатель городского сообщества
писателей

Омск: Ерофеева-Тверская В.Ю.

председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: Хомутов С.Н.

председатель регионального
отделения Союза российских писателей

Пермь: Соколова Т.Ф.

председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: Козлова Е.В.

председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Томск: Скарлыгин Г.К.

председатель правления областного
отделения Союза писателей России.

Тюмень: Денисов Н.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Марласов А.М.

президент Тюменской ассоциации
литераторов;

Шамсутдинов Н.М.

председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: Рябий И.А.

председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: Белозерцев А.К.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Шишов К.А.

председатель организации Союза
российских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075,
г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
«Ассоциация писателей Урала».

E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.

Контактные телефоны:

(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз.
Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Печатный Дом»,
г. Реж, ул. Красноармейская, д.49.
Тел. (8-3436) 42-15-32